

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

1. 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Надирсолта ЭЛЬСВНКАЕВ
По обе стороны сесана-дука.
/Из цикла "Сказки старого Абати"/. /2/

Лариса БАДАЕВА
Родная кровь. /Роман/.
/Продолжение/ /18/

ЛИРА

Заур ГАНАЕВ
Девятый вал. /Стихи/. /14/

Руслан ХАДЧУКАЕВ
Возродись, человек /Стихи/ /46/
Элина ДОХШУКАЕВА
Взаимность. /Стихи/ /51/

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Валерий СУХОВ
Земная горечь. /Стихи/ /30/

КУЛЬТУРА В ЛИЦАХ

Раиса САДУЛАЕВА
Человек, умевший мечтать. /Очерк/ /32/

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА
"Чехов на сцене чеченского театра" /Статья/ /56/

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА

Кухня народов мира /69/

Надирсолта ЭЛЬСУНКАЕВ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ СЕСАНА-ДУКА

(Из цикла «Сказки старого Абати»)

– Мы пойдем пешком, – сказал Абати.

– Двенадцать километров под палящим солнцем по пыльной дороге, где каждая проезжающая машина будет накрывать нас пылью? Нет, Абати, – возразил я, больше по привычке, – ты добираться, как хочешь, а я поеду на «вахте» Мусы. Она отправляется через полчаса. Мы успеем, если прекратим наш базар.

– Зачем нам мучиться на этой старой конке? Если мы пойдем по хребту, то дорога будет вдвое короче. Доберемся до райцентра раньше, чем тени развернутся в сторону восхода солнца. Заодно послушаешь трели жаворонков.

– Какие жаворонки, когда нас ждет ворон в прокурорском мундире? Давай поедем с Мусой.

– Хорошо, – сказал Абати. – Если доедешь раньше меня, жди возле прокуратуры. А мне

надо заглянуть к роднику Воккха-Хаджи. Я не был там с прошлой осени.

Абати после моего ранения в голову исключил из своей речи приказной тон. Пожелав мне счастливого пути, он легко зашагал по тропинке к полевой дороге, которая меньше чем через час выведет его к святому источнику. А оттуда до райцентра, действительно, рукой подать.

– Я был там неделю назад, – крикнул я вслед Абати.

Он обернулся.

– Ты молод. У тебя впереди долгая дорога. Конечно, тебе надо беречь свои силы. Езжай на машине.

– Тогда дай мне слово, что не расскажешь матери.

– Что не расскажу?

– Что не послушался тебя.

– Если не спросит сама.

– Сдашь меня?

– Нет. Просто скажу правду.

– Абати, на друзей не доносят.

– Сказать матери, что у нее растет паршивец – долг стариков.

– Я не знаю, как там у вас, стариков, но у порядочных людей стукачество считают позорным делом.

– Успокойся. Я не скажу, что ты оставил меня одного в дороге из-за своей Зезаг.

– Причем тут Зезаг? И кто такая Зезаг? – выпалил я.

Абати улыбнулся:

– А при том, что сегодня она тоже едет со своей матерью в райцентр.

– Абати, ты, случаем, не в КГБ работаешь? Откуда ты знаешь, что они едут завтра в Ножай-Юрт?

– Нигде не работаю, и никаких доносчиков у меня нет. И запомни, юноша, никакой тайны здесь нет. Все очень просто. Ее мать, Селисат, вчера приходила ко мне одолжить денег. А теперь торопись. Займи место для себя, своей невесты. А мне надо торопиться, – Абати тронулся в путь. После его упрека мне было стыдно идти с ним рядом. Подождав, пока он пройдет полста шагов, я поплелся за ним.

Абати был прав. Идти по хребту мимо пшеничных и кукурузных полей было не утомительно. Все время дул освежающий ветерок, а пение птиц услаждало слух и успокаивало душу. Пройдя без привала Жанги-Мохк и Сесана-Дук, мы меньше через час пришли к роднику.

– Знаешь историю этого родника? – спросил меня Абати, протянув чашку с холодной водой.

– Слышал тысячу раз, – ответил я равнодушно. – Было время молитвы, а для омовения перед намазом у Воккха-Хаджи и его мюридов не было с собой воды. Тогда Воккха-Хаджи ткнул своим посохом землю, и образовался родник.

Абати покачал головой:

– Ты не прав. Нельзя так относиться к своему прошлому. Воистину, настали последние времена! Молодежь не чтит своих предков и не слушается стариков.

– Успокойся, Абати. Об этом горевал еще Сократ, а еще раньше – египетский мудрец в «Книге мертвых». Много веков прошло с той

поры, а нравы людей не меняются. Я готов поклясться, что ваши старики, когда ты был в моем возрасте, говорили так же и про ваше поколение. Разве нет?

Абати улыбнулся:

– Это правда, – помолчав с минуту, старик неожиданно спросил: – Как называется эта книга?

– Какая?

– Про покойников.

– «Книга мертвых».

– Зачем мертвым книга? – удивился старик.

– Как – зачем? Чтобы не быть дураком на том свете. Что мы там будем делать без Эйнштейна и Пифагора? Опять собирать ягоды и охотиться с копьями на мамонтов? Этих же мы давно отправили в ад.

– Надоел ты мне с этими именами. Я уже начинаю сомневаться, кто из нас старше. Я знаю только то, что слышал от наших отцов. Ты же мне открыл Компуци, теперь еще и Искрата. Как будто сам сидел с ними за одним столом.

– Не Компуци, а Конфуций, Абати. И не Искрат, а Сократ.

– Знания делают людей сильными. Вот я, старик, прожил больше ста лет. Когда завязалась наша дружба, и я понял, что тебе можно доверять, я подумал, что передам тебе много знаний. А оказалось совсем наоборот. Это я должен учиться у тебя.

– Мои знания всего лишь результат увлечения чтением, Абати. Это всего лишь бессмысленный набор всяких историй в голове. Но они обретают смысл, когда ты мне что-то рассказываешь. Твоя жизненная мудрость пробуждает мои мозги. Тот же Сократ просто спал где-то в закоулках моей памяти, пока ты своими стенаниями не разбудил его. Как сказал

один немецкий поэт: «Суша теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет».

Абати вопросительно посмотрел на меня:

– У немцев были поэты?

– Ты думал – только Гитлер? Конечно, были!

И музыканты были, и художники.

– Объясни мне на моем языке слова этого поэта.

– Звали его Гете. Фамилия у него была такая. Он написал поэму «Доктор Фауст». Это история про ученого, который согласился продать свою душу Иблису в обмен на знания. Так вот, Иблис говорит, что знания из книг бессмысленны, если не подкреплены опытом личной жизни.

– Знаешь, о чем я сейчас думаю? Прокурор наш, я слышал, из Грозного, и у него в голове и в сердце нет ничего нашего, чеченского. Так ты ему покажи, что мы не простые люди. Все равно мы от него не отвяжемся без взятки.

– Абати, даже не думай об этом. Партия объявила борьбу взяточникам.

– Сколько я помню, всегда брали деньги. И при царе Микалае, и при Ленине, и при Сталине, и при Хуршове, и при Бирежнове. Не поверю, что сейчас будет по-другому.

– Разберемся на месте, Абати. Лучше расскажи мне, как все было?

– Ты о чем?

– Расскажи о Воккха-Хаджи.

– Воккха-Хаджи был великий ученый, – Абати задумался.

– Знаю, Абати. Это был великий ученый и умер от боевых ран, как воин.

– Ты слышал про моего деда?

– Да, Абати. Я многое слышал про Панту.

– Он сражался за свободу нашего народа рядом с Тайми Бибулатом. Хоть он и не про-

славился в илли, как Бибулат, Джуми Актулла, Эвтархой Ахмад, но воином в войске Бибулата он был не последним... Я помню день его похорон. Мулла Эмин-Хаджи признался, что на его теле спереди не было живого места. Одни рубцы от бесчисленных ран. А на спине ни одного! Он омывал его перед тем, как завернуть в саван.

– Ты помнишь день его похорон? Ведь это было сто лет назад!

– Что такое сто лет, которые ты прожил сам? Конечно, помню, – Абати опять замолчал. – Как будто это было вчера. Он ушел глубокой ночью, а народ с рассветом заполнил весь наш большой двор и всю улицу. Когда вынесли носилки с телом, женщины стали громко причитать. И тогда Эмин-Хаджи прикрикнул на них: «Слушайте меня, женщины! Панта завещал, чтобы его проводили в последний путь тихо. Единственно, кому он разрешил дать волю своим чувствам в этот день – это его внук Абати, – потом мулла повернулся ко мне: – Слышал ты меня? Ты можешь не сдерживать своих слез. Люди поймут тебя». Мне не было 12 лет, но я понимал, что имел в виду Эмин-Хаджи. «Эмин-Хаджи, – ответил я мулле. – Дал ли мне это право в своем завещании мой дед?» – «В завещании об этом нет ни слова, Абати. Это он мне говорил перед тем, как уйти. Бог тому свидетель». – «Что может быть для чеченского молодца дороже, чем дед?» – «Нет между небом и землей для чеченца ничего выше, чем дед», – раздался чей-то голос в толпе. «Истинно!» – подтвердили десятки голосов. «Как бы мне ни было сейчас тяжело, я последую его завещанию». Раздался плач женщин. «Послушайте меня, женщины! Послушайте меня, мужчины! Бог видит, что у меня сейчас творится на душе.

Наберитесь терпения. Есть ли среди вас хоть один, у кого Панта что-то просил для себя? – Повисла тишина. – Я знаю, что нет. Так неужели мы не исполним его единственную просьбу? – во дворе снова повисла тишина. – Слушайте меня, люди. Есть ли среди вас кто-нибудь, кому Панта был должен?» – «Нет, нет, нет!» – раздался голоса. «Есть ли среди вас кто-нибудь, кого Панта обидел и не успел извиниться?» Во дворе снова повисла тишина. «Эмин-Хаджи, – раздался неожиданно чей-то голос из толпы. – Я его обидел однажды и не попросил за это прощения. Как мне быть, Эмин? До последнего дня своей жизни жить теперь с этой тяжелой ношей на сердце?» – «Это ты, Зокка?» – «Да, я». – «Ты однажды не уступил дорогу беременной женщине, – сказал Эмин-Хаджи. – И Панта тебя упрекнул за это?» – «Откуда это тебе известно, Эмин-Хаджи? Ведь кроме нас троих не было тогда никого на улице. Да и времени сколько прошло». – «Панта вчера сам рассказал мне эту историю. И очень сожалел, что тогда обидел тебя в присутствии женщины». – «Я сам виноват. Грубо ответил Панте. Не имел я права так вести со старшим по возрасту». – «Да, не имел. Тем более такому человеку, – строго заметил Эмин-хаджи. – Послушайте меня, люди! Бог мне свидетель, Панта простил Зокку! И просил меня передать ему, что просит и для себя прощения. Прощаешь ли ты его?» – «Богом клянусь, прощаю! – в глазах Зокки блеснули слезы. – Пусть будет доволен тобой Аллах, Эмин-Хаджи!» – «Что ты испытываешь сейчас, Зокка?» – «Когда Панта мне сделал замечание, что не подождал, пока пройдет Селима, я огрызнулся. Сказал Панте, какое его дело? Это всего лишь женщина. Тогда он со всей силы огрел меня своим посохом. Так сильно,

что треснула кость вот этой руки, – Зокка поднял свою левую руку. – Богом клянусь, что эта боль вернулась ко мне. Моя рука горит сейчас, – в толпе раздался здоровый смех. – Но клянусь своими предками, эта боль сняла с моего ничемного сердца муки страдания!» – «Абати, – обратился ко мне Эмин-Хаджи. – Запомни этот день. Он свидетельствует о том, что твой дед был настоящим нохчо. Кто из нас, собравшихся здесь, не захотел бы, чтобы и его последний день был таким же, как последний день Панты?»

Абати замолчал. Молчал и я. Я почувствовал, что он вернулся в тот день, и представил себе, как выносят со двора под назму Панту, и маленького Абати, плетущегося молча за носилками. Подождав немного, Абати вернулся к моей просьбе:

– Панта рассказывал нам, как однажды под рассвет к нему во двор зашли мюриды Ташу-Хаджи. Панта сидел на пороге и делал омовение перед намазом, когда во двор вошли вооруженные люди. «Мы мюриды Ташу-Хаджи, – сказал один из них. – Наш устаз хочет видеть тебя». – «Что ему нужно от меня?» – «Это он скажет сам». В это время во двор неожиданно вошел сам Ташу-Хаджи. «Мир тебе и твоему дому, Панта!» – сказал он. «Приходи с миром, Ташу!» – ответил Панта и, встав во весь рост, пошел ему навстречу. Гость и хозяин обнялись. «Счастлив видеть тебя, Панта, живым и здоровым. Мы отступаем в горы. Аул разрушен». – «Я понял это, когда стих грохот пушек». – «Невозможно было больше удержаться. Они стреляли из пушек, пока наше укрепление не превратилось в кучу щепок. Негде было укрыться». – «Сколько погибло у вас?» – «Многие стали шахидами». – «Сколько вы убили у

них?» – «Мы их и в глаза не видели». – «Ташу-Хаджи, – сказал Панта, – ты когда-нибудь слышал, чтобы Бибулат строил крепости?» – «Я об этом не задумывался, если честно». – «Бибулату нужны были живые здесь, а не мертвые в раю». – «Почему вы не пошли за нами? Почему не вышли на джихад?» – «Мы тоже шли в бой с верой в Аллаха. Но у нас были простые цели – отстоять свою землю и жить на ней по своим законам. Вы же предлагаете им рай после смерти». – «Мы хотим установить шариат. Он объединит все народы Кавказа». – «Я верю тебе, Ташу-Хаджи. Ты не только проповедуешь шариат, но и сражаешься в первых рядах». – «Мы отступим в горы. Укажи мне дорогу в Сесана». – «Я проведу вас на Сесана-Дук. Оттуда лесные тропы выведут вас к Сесана». Был полдень, когда они прибыли вот к этому месту. Истекало время намаза, а для омовения не было воды. Мюриды стали спрашивать Хаджи, что им делать? Тогда Хаджи оглянулся вокруг и, заметив под этим тополем маленькую лужицу, ткнул в нее: «Копайте здесь». Муриды начали копать своими кинжалами и обнаружилось, что там не просто скопившаяся дождевая вода, а настоящий родник.

– Что случилось потом?

– Панта проводил их до самого Сесана. Воккха-Хаджи предложил ему остаться, но Панта отказался. А дальше случилось то, что было неизбежно. Шамиль попросил его выехать в горы для разбирательства одного дела, и по дороге он нарвался на засаду. От полученных ран он вскоре скончался. А родник этот остался в память о нем... На, глотни напоследок пару раз, – сказал Абати, протягивая мне кружку с водой.

Я выпил ее до дна.

– Как тебе вода? – спросил он меня, принимая из моих рук кружку.

– Как будто оживляет все нутро.

Старик улыбнулся:

– Все потому, что родник открыл добрый человек. А теперь пошли.

Мы снова забрались на Сесана-Дук, но вместо того чтобы идти прямой дорогой, Абати неожиданно свернул на тропу, которая, петля змейкой, шла по руслу реки Яман-Су.

– Зачем, Абати, мы свернули сюда? – спросил я старика, думая, что тот хочет продолжить дорогу в райцентр по шоссе. – Ведь так мы делаем лишний путь.

– Иди за мной.

– Абати, если мы спустимся к этой дороге, то она будет почти вдвое длиннее.

– С чего ты взял?

– Я неплохо знаю геометрию. Вниз, а потом по прямой к Ножай-Юрту, получится два катета, а если идти по хребту, то как раз гипотенуза. А она короче, чем сумма двух катетов.

– Не морочь мне голову.

– Теорема Пифагора. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов его катетов.

Старик не хотел меня слушать.

– Упрямый старик!

– Лентяй! – огрызнулся Абати.

Делать было нечего. Я поплелся за ним. Не поравнялся с ним.

– Кто такой этот Пихагор? – через плечо спросил старик.

– Был такой математик. Вычислил для таких глупцов, как ты, формулу расчета сторон треугольника.

– Зачем мне его расчеты?

– Ну, например, чтобы, когда строишь дом, его стены не вышли кривыми. А как ты это

сделаешь, если не знаешь, как вычислить прямой угол?

– Ты видел дом, который я построил сам? Ты хочешь сказать, что стены его неровные?

– Не хочу.

– А я ведь не знал никакого Пифагора.

– Твой дом всего лишь хибара. Есть же огромные многоэтажные дома. Для них это нужно.

– Мне – нет. Глупо засорять голову знаниями, от которых нет никакого толка. Человек становится болтуном, когда забивает себе голову ненужными науками, от которых ему нет никакой пользы. Что ты знаешь о нем, кроме этих прямых углов?

– Говорят, что его штаны были равны и вширь, и в длину.

– Я так и понял. Лодырь и лентяй был твой Пифагор, если отрастил на себе столько мяса и жира. Когда он жил?

– Не помню. Кажется, две тысячи пятьсот лет назад.

– Позже Конфуция на целых 500 лет.

– С чего ты взял?

– Ты мне говорил, что китайский мудрец жил три тысячи лет назад.

– Да, говорил. Но зачем тебе Конфуций, когда я говорю про Пифагора.

– Во времена Конфуция люди жили в домах? Города были? Дворцы были?

– Да, были.

– Тогда как твой Пифагор мог открыть то, что людям было известно задолго до него?

– Он был еще и великим мудрецом.

– И какую мудрую мысль он оставил тебе после себя?

Я задумался. Абати застал меня врасплох. Как ни старался, не смог вспомнить ни одного

изречения или афоризма великого математика и философа, признанного современниками величайшим мудрецом Древней Греции.

– Не помню, – признался я. – Люди говорят. Те, кто жил в его времена.

– Да-да, люди, – с иронией заметил Абати.

– Зачем ты издеваешься надо мной с утра? Это все из-за того, что я предлагал тебе поехать на машине?

– Не устраивай сейчас ссору. Ты мог спокойно поехать со своей Зезаг.

– Ревнуешь? Но ты же сам говорил, что ревность очень плохая болезнь.

– Не будь таким слабаком. Ты готов перейти границы приличия из-за того, что делаешь ради меня пару лишних шагов?

– Это не пара шагов, Абати. Это не меньше двух километров.

– Что для юноши твоего возраста две тысячи шагов?! К своей невесте ты пробежал бы их бегом, усадив меня на спину.

– С чего ты взял?

– Сам был таким, – спокойно ответил Абати.

Мы спустились по дороге через табачные поля и вышли на дорогу, которая шла от Хасав-Юрта в Ножай-Юрт. Пройдя немного, оказались возле утеса, из-под которого бил родник.

– Набери мне воду.

Я не нашел кружки.

– Тогда придется набирать пригоршнями. – Попробуй тоже, – предложил он после того, как напился сам. – У этой воды свой вкус.

Я выпил. Вода отдавала железом.

– Зачем ты мне дал ее выпить? Нам же еще долго идти, а такая вода сбивает дыхание, и тело наливается тяжестью.

– Знаешь историю этого родника?

– Нет. Я впервые его вижу.

– Это родник Насу-Хаджи. Слышал про такого?

Я пожал плечами:

– Святой?

– Нет. Как раз наоборот. Абрек. Промышлял в этом ущелье разбоями во времена Сталина. Устраивал со своей бандой засады на простых людей и грабил их, когда они возвращались домой с хасав-юртовского базара. Однажды они остановили здесь одного бедолагу по имени Салах. Денег с собою у него не было, поэтому сняли с него всю одежду. Салах был очень бедным и хилым. Просил, чтобы ему оставили хотя бы штаны, других у него нет, но абреки немало потешились над ним и отпустили в одних шароварах. Но не прошло и месяца, как пришла весть, что Насу-Хаджи кто-то снес выстрелом из ружья полголовы, когда тот наклонился к этому роднику, чтобы напиться. Этим «кто-то», скорее всего, был Салах. Ведь после той истории с ограблением он исчез, но появился среди людей на второй же день после убийства абрека.

– Зачем же этот родник назвали в честь бандита?

– Потому что здесь он нашел то, что искал.

– Почему ты дал мне выпить эту воду? Ведь ее же никто не пьет. Иначе тут был бы ковш или, на худой конец, ржавая кружка.

– Чтобы ты почувствовал всем своим нутром вкус проклятья. А теперь пошли к нашему прокурору...

Мы вернулись обратно к дороге, по которой спустились вниз. Я не стал возмущаться. Спросил только:

– Зачем, Абати, мы проделали такой большой крюк? Ты мог мне просто рассказать об этом.

– Чтобы ты лучше запомнил. Моя мудрость и твои знания не стоят и ломаного гроша, если

рядом с ними нет стойкости и терпения. Человек, ищущий легких дорог, не зная, куда они ведут, но все равно идущий по ним только лишь потому, что идти легко, может заблудиться, в конце концов. Я знаю, что ты в глубине души упрекаешь меня в случившемся с нами. Ведь если бы я не стал чинить мост, не случилась бы эта история с прокурором. Кто знает, что у него сейчас на душе? Может же и в тюрьму посадить. Ты прости меня.

– Даже если они меня посадят, Абати, я не сломаюсь. Ленин тоже сидел в тюрьме, но потом стал руководителем страны. И не вини себя ни в чем, Абати. Мы делали то, что должны были делать. Ведь Бог, в отличие от прокурора, знает, что мы старались для людей и не замыслили ничего плохого даже против этого шайтана в женском обличье.

Мы снова поднялись на Сесана-Дук и присели под тень тутовника.

– Мы пойдем по прямой дороге? Никуда больше не будем сворачивать? – спросил я старика с улыбкой, желая прогнать с его лица печаль.

– Теперь ты понял, почему мы проделываем такой путь?

– Да, Абати, понял. Ты хотел мне показать, что моя дорога жизни будет идти по границе между добром и злом.

– Не у тебя одного... Запомни это, юноша. Очень давно в нашу страну пришел один, чужестранец от пророка. Он привел с собой еще и трех полуживых немощных стариков, томившихся в неволе у одного безбожного народа. Это были жрецы нашего народа. Когда пришло знамение, что в далекой Шеме родился пророк, они отправились туда, чтобы приветствовать его и его мать, но на обратном пути злые люди

из народа язычников увели их в плен. Многие годы жестоких издевательств, истязаний и климат чужой земли истощили их силы, изменили до неузнаваемости лица, но они не изменили своей вере. Народ помнил о них. Даже высек на камнях их имена, но не узнал по лицам, так страшно их изуродовали время и страдания. И только свидетельство чужестранца и рассказы жрецов убедили людей в возвращении своих жрецов. Исполнив волю пророка, старец, отправляясь дальше, обратился к нашему народу: «Вы будете идти к Судному дню по дороге, разделяющей добро и зло. Не забывайте о своих праведниках. Пока будете помнить о них, вы удержитесь на пути, который возвращает всех нас туда, откуда вывели первых. И даже если удастся Иблису увести вас с него, возвращайтесь назад именно по той дороге, по которой вас увели, чтобы не заблудиться. Не ищите других дорог. Иначе снова выберете путь к Иблису. Он везде. Их у него много, а к Богу только одна». Держи это в своем сердце, сын мой. Скоро Иблис вернется со своим войском в наши края и разметает наш народ по всей Большой Земле...

...Прокурор даже не оторвался от зеленой ученической тетради, когда мы с Абати зашли к нему. Молча указал пальцем на стулья у стенки. Абати погрузился в свои думы, а мне не оставалось ничего другого, как разглядывать кабинет.

Большая комната была обставлена дорогой мебелью. Полки дубового шкафа были плотно забиты книгами. В верхнем ряду «Собрание сочинений» Ленина. По тому, как они лежат ровно, можно было догадаться, что хозяин кабинета знал труды Ленина наизусть.

На второй полке стояли книги по юриспру-

денции. На третьей нижней полке лежали ровные стопки конторских бумаг.

Ни одной художественной книги в шкафу и на столе я не заметил, зато прямо над креслом прокурора висели портреты Ленина и Горбачева.

Прошло много времени, а прокурор все еще не замечал нас. Абати, наконец, не выдержал:

– Если ты так сильно занят, мы придем в следующий раз.

Прокурор выдержал паузу, отложил в сторону тетрадь и посмотрел в нашу сторону. Это был не молодой и не старый мужчина с толстыми губами и маленькими глазенками.

– Теперь я послушаю вас.

– Вызывал нас ты, если наш участковый сказал нам правду, – заметил с удивлением Абати.

– Участковый не врет.

Прокурор опять выдержал паузу.

– Знаете, почему вы здесь?

– Если скажешь, узнаем.

Прокурор взял в руки тетрадь. Стал читать. Это была жалоба Холы. Из ее длинного рассказа стало ясно, что Абати злостный тунеядец, кулак, антисоветчик и враг советской власти.

Мое описание Холы было хоть и кратким, но содержало много смачных эпитетов. Если верить ей, я оказывал пагубное влияние на молодежь, и потому представлял особую опасность для общества. Разумеется, таким я стал благодаря дурному характеру Абати. Подтверждением тому является тот факт, что я не только сам не вызвался помочь утопающей, но и категорически отказался даже после ее многократных просьб.

– Это правда? – спросил прокурор.

– Да, это правда, – ответил я. – Я не собирался помогать, даже если бы она утонула.

– Да? А ты парень упрямый, – усмехнулся прокурор и перевел взгляд на Абати: – Паспорт с собой?

– Зачем? – удивился старик.

– Для удостоверения твоей личности.

– Весь мир знает, что я Абати, сын Бахо, внук Панты.

– Мне надо заполнить протокол.

– Нет у меня паспорта, – ответил Абати.

– Потерял?

– Не было никогда.

– Как же ты жил все это время?

– Эта власть отняла у меня все, ради чего я хотел жить. Зачем мне паспорт?

– Но советская власть дает тебе пенсию.

– Нет у меня никакой пенсии.

– А за счет чего живешь?

– Когда нужны деньги, продаю людям овощи и фрукты.

– Спекулянт, значит?

– Кто такой спекулянт?

– Тот, кто занимается незаконной торговлей.

– Покупает дешево и перепродает дороже, – вставил я свою реплику.

– У меня есть огород и сад. Ращу вот этими руками овощи и фрукты, собираю мед. Продаю людям. Какой же тогда я испикулянт?

– Вот видишь, советская власть дала тебе землю.

– Земля, на которой стоит мой дом, досталась мне от моих предков в седьмом поколении. Советской власти и в помине не было, когда мой седьмой предок Хаси очистил от кустарников и полыни клочок земли.

Прокурор задумался.

– Ладно, старик. С тобой все ясно. У тебя тоже нет? – прокурор посмотрел на меня.

Я подошел к столу и положил перед ним свой паспорт.

– Фамилия? – спросил равнодушно прокурор.

– У тебя мой документ. Там все написано, кто я, когда родился, какой национальности, где и когда прописан.

Хозяин приподнял брови и откинулся на спинку кресла.

– Во-первых, не ты, а вы, – сказал он холодно.

– Я вижу перед собой только одного человека.

Глазенки прокурора забегали.

– Тебя что, не учили правилам вежливости?

– Учили.

– Тогда обращай ко мне на «вы».

– У меня со зрением все нормально. Передо мной сидит один человек. Или ты хочешь сказать, что внутри тебя есть еще кто-то? Если в тебя вселился джинн, то могу посоветовать обратиться к Лахимат с нашего села. Она специалист по этой части.

– Ты точно работаешь учителем?

– Русского языка и литературы.

– Как ты воспитываешь детей, если сам не соблюдаешь элементарные правила вежливости?

– Учю детей грамоте.

– А воспитываешь как?

– Учеников воспитываю не я один. Мы все вместе воспитываем их. Партия, власть и общество. И если тебя очень волнует, чем я занимаюсь на уроках, кроме грамоты, то ответ мой очень простой. Я борюсь с пережитками царизма и капитализма, а ты, наоборот, пытаешься их сохранить.

Глаза прокурора перестали бегать:

– Что за вздор ты несешь?

– Послушай, ты здесь представляешь социалистическую законность или капиталистическую?

– Социалистическую. К чему ты все это клонишь?

– Ни к чему. Просто хочу напомнить, что обращение на «вы» ввел в обиход специальным указом Петр Первый в тысяча семьсот двадцать втором году. Называется он «Табель о рангах». Насколько мне известно, Советская власть одним Декретом отменила все законы царизма. Или ты считаешь, что для этого Указа сделали исключение?

– Не морочь мне голову! Мы разговариваем на русском языке. И на нем принято обращаться к человеку на «вы».

– Объясни это Генеральному секретарю ЦК КПСС. Он со всеми на «ты» и, причем, на русском языке. Может, и он не понимает элементарных правил вежливого тона, как и я?

Глаза прокурора опять забегали.

– У русских, – продолжил я, – не было до Петра Первого обращения к одному человеку во множественном числе. Даже с царями были на «ты», как и чеченцы. Слышал про князя, которого убили древляне за алчность? Так вот, его воины обращаются к нему на «ты». «Поиди княже с нами в Древляны на дань и ты добудеши и мы».

– Где ты это вычитал?

– Да приходилось копаться в «хронологической пыли».

– Какая пыль? Ты называешь нашу великую историю пылью?

– Ты где учился?

– В Москве. В МГУ. С отличием окончил юридический факультет.

– А школу?

– Тоже в Москве. Так что не корч из себя умника.

– Ты прав. Я всего лишь в сельской школе

и провинциальном институте. Поэтому, как комсомолец, ко всему, что напоминает царский режим, отношусь с классовой ненавистью. Потому «говорю без чинов. Начинаются чины – перестает искренность».

Глаза прокурора снова застыли на одном месте. Стараясь не засмеяться, я повернулся к Абати:

– Стародум.

На лице Абати мелькнула улыбка.

– Я не стародум! Я – коммунист! – резко ответил прокурор.

– Это не про тебя, – заметил я спокойно, не отводя взгляда от Абати. – Стародум – это персонаж комедии Фонвизина «Недоросль». Это его слова. Он там признается еще, что отец его «воспитал по-тогдашнему». Отказывался «считать всякого за многих».

– Откуда ты такой умный?

– Учителя были хорошими.

– Русские?

– Не только. Был еще Гапур Халидович Болотханов. Слышал про такого?

Прокурор засмеялся:

– Гапур? Ты хочешь сказать, что он читал эти книги?

– Больше чем уверен, что в руках не держал «Повесть временных лет», но вот с русской драматургией мой учитель дружен. Любит цитировать классику. Когда режемся в карты, обычно вспоминает «Ревизора» или «На дне», если сидим за шашками, не обходится без Гоголя.

– На деньги играет?

– Да. Он силен в картах, поэтому ставим три рубля на кон, на шашках – по рублю. Понимаю, что это не только нечестно, но и несправедливо.

– А почему ты соглашаешься, если несправедливо и нечестно?

- Учитель же.
- Хороший учитель, – с иронией сказал прокурор.
- Кто?
- Гапур твой.
- Очень даже. Если сомневаешься, могу сказать ему об этом.
- Не надо, – ответил прокурор и перевел свой взгляд на Абати. – Болтливый он у тебя.
- Не болтливый, а умный, – заверил старик.
- Это океан знаний!
- Лицо Абати сияло от удовольствия.
- Но не умеет вести себя в обществе, – заметил раздраженно прокурор.
- Это по молодости. Пройдет, когда повзрослеет, – ответил ему Абати и, повернувшись ко мне, добавил. – А ты не говори Гапуру про этот разговор. Человек он хоть и добрый, но в гневе страшный. Недавно дал такую оплеуху одному начальнику, что того долго пришлось приводить в сознание.
- Судя по растерянному виду, прокурор был наслышан о моем учителе Гапуре.
- Ты можешь идти, старик, – сказал он, – а твой товарищ переселится в КПЗ.
- Мы пришли к тебе вместе и уйдем так же вместе, – ответил Абати
- Ты можешь идти, – повторил свое решение прокурор.
- Тогда и я остаюсь с ним.
- Здесь вам не базар! Здесь прокуратура!
- Или мы вместе идем с ним домой или оба остаемся.
- К тебе никаких претензий у меня нет.
- За что его арестовывать? Что он такого сделал?
- Он не оказал помощи женщине, чья жизнь подвергалась опасности.
- Если ты о Холе, то она сама виновата. Я просил ее не подниматься на мост.
- Поэтому к тебе никаких претензий, старик.
- Этот юноша мне помогал чинить мост. А она не разрешила своему мужу помочь нам.
- Это не преступление, а право выбора.
- Но это же неправильно!
- Следователь во всем разберется.
- Разве можно судить за такую мелочь?! Никто не умер, не ранен.
- Прокурор достал со второй полки УК:
- Статья 127. Два года лишения свободы. Или исправительные работы на такой же срок.
- О Аллах! Два года тюрьмы из-за подлой клеветы!
- Никакой клеветы. Хола тонула?
- Как она может тонуть в реке, которая по колено ребенку?
- Она звала на помощь?
- Да. Звала.
- Этот пришел ей на помощь?
- Зачем? Рядом же был ее муж.
- У него не хватило сил.
- Не понимаю, зачем жениться, если не можешь вытащить жену из воды, которая всего лишь по колено?
- Это не ко мне, – сказал прокурор и вызвал наряд милиции.
- Что скажу я его матери?
- Закон суров, – ответил прокурор.
- Да-да, – согласился Абати. – Ваш закон суров.
- Абати, бесполезно. Не посадит он тебя. Возвращайся домой. Матери скажи, что я остался погостить у Усмана. А за меня не беспокойся.
- Хорошо, – сказал Абати. – Ты только держись. Я не оставлю тебя у них.

Пришли три милиционера. Надели на меня наручники.

– И не вздумайте его пальцем тронуть, – сказал Абати. – Пожалеете.

Меня повели на выход.

– Кто был тот пророк? – спросил я, обернувшись к старику.

– Дома скажу, – ответил Абати.

Меня вывели на улицу.

Здание РОВД находилось недалеко от прокуратуры. Идти надо было через площадь мимо универмага с огромными стеклянными витринами.

– Может, пойдем в обход? – спросил я старшего милиционера.

– Иди-иди, – толкнул он меня в спину.

Проходя мимо универмага, услышал за спиной знакомый голос:

– Куда они тебя ведут?

Я обернулся. Встретился взглядом с Зезаг:

– В СИЗО.

– Это что?

– Тюрьма.

– Почему? Что ты сделал? – растерянно спросила она.

– Хола пожаловалась прокурору.

– Что теперь будет с нами?

– Если запрут на два года, не жди меня, – предложил я ей с надеждой.

– Если надо, буду ждать 20 лет, – ответила она.

Я улыбнулся. В глазах девушки блеснули капельки слез.

Неожиданно из универмага выскочила мать Зезаг. Увидев меня, грубо схватила дочь за локоть.

– Ты что тут делаешь? Заходи обратно. Я договорилась с продавцом. А здесь я сама разберусь.

Зезаг, не попрощавшись со мной, зашла в магазин. Мать осталась на улице, чтобы сказать мне то, что уже говорила моей матери:

– Забудь о моей дочери. Ищи себе дурочку в другом месте.

Я не ответил. Она же была матерью девушки, которую я любил...

Ли́ра

ЗАУР ГАНАЕВ

НОВОЕ ДИТЯ

Вот оно – стихотворение.

Я его породил.

Кто сказал, что
мужчины этого

не могут?!

12 апреля

Мое детище

появилось на свет –
уродливое и глупое.

И я не буду лукавить
и сразу признаюсь,
что я его не люблю.

Но я не способен его убить.

Это всё-таки моя плоть.

Я отдам его в сиротский
дом-интернет.

Кто знает,

может, кто-то полюбит его,
моего уродца.

Прощай же!

Я не планировал

и не желал твоего рождения.

*Родился 6 марта 1990 года в Грозном. Учился
в ЧГУ, позже – в Германии.*

*Начал писать стихи – бросил учебу и вернулся
домой. Живет и работает преподавателем
немецкого и английского языков в Грозном. Заочно
учится на факультете журналистики в ЧГУ.
Автор сборника «Бумажный солдат» (2020).*

То ли небо такое синее,

То ли это туман внизу.

По окошку веревкой инея

Тянет хмурый февраль полосу.

Прячет золото даль

за туманами.

Бесконечно лиловая синь

Опьянила деревья с курганами,

Распылив над макушками дым.

Хорошо просыпаться весёлым,

Слышать песни

поутренних птиц,

И туда над уснувшими сёлами

Упорхнуть из своих же глазниц,

И, как утро, встречать и загадывать

Настроение, сон стороня,

И в прохладу деревья закатывать

И обняться с дорогой дня.

МОРЕ ВЕЛИКОГО ЗАБВЕНИЯ

Там, в грудной клетке,
 посреди мрака
 на тоненькой нити
 висит паучок,
 из его круглого брюшка
 идёт свет
 и, едва отделившись от тела,
 меркнет;

и не видно паучку:
 откуда тянется нить,
 и где в этой пустоте
 можно свить паутину,
 и куда падать,
 если сорваться.

Однажды вопросы прекратятся,
 всё прекратится:
 расслышишь последние хлопки
 клапанов своего сердца
 и вообразишь,
 что это белый голубь
 прилетел к тебе с благой вестью.
 Ты посмотришь на него
 и ничего больше не вспомнишь –

так свет засасывает туда,
 откуда он когда-то возник.

Всю жизнь одну строку ловлю на слух –
 Поэзии чистейшей нежный дух.

Но там, куда потянется рука,
 В безмолвьи растворяются века.

И я своё лицо беру в ладонь
 И чувствую в руке своей огонь,

И что-то из огня мне говорит,
 Что «только смерть поэзию творит».

И тает эта, точно дым, строка –
 И вместе с ней и пламя, и рука.

МАТЕРИНСКАЯ ТОСКА

Как продолжение разлуки
 Бежит у берега река,
 Сердцебиенье у виска,
 Заплаканные в щёлочь руки

И запах соли в них морской,
 Когда по волнам разливаясь
 В почти невозмутимый слой,
 Плывёт луна по ним живая.

Когда ночные фонари
 Горят в тени печальной думой,
 Пусть безмятежный монолит
 Твой сон оберегает лунный.

Как эти капли на листве
 Стекают утром еле-еле,
 Печально слезы б не летели,
 Чтоб остывать на рукаве.

И снова ночь. И снова те же стены.
 Я тихо запер за собою дверь
 И замер за предчувствием измены
 С пространством, не носящего петель.

Но что облагораживает чувство,
Угодному навязывать тюрьму, –
Зависшее над временем искусство,
Питающее комнатную тьму

И тьму во мне, пока источник этот,
Ложась на кисть иль на бумажный лист,
Не станет осязаемым предметом;
Пока не оседлает всякий свист.

ПОЭТУ-ФРОНТОВИКУ

Живые не слушают стихи

Поэты умирают на войне
С людьми других профессий наравне,
Но многократно воспроизводя
Чужую гибель острием гвоздя...

Он горечь их прожѣвывает сам
И письма пишет им на небеса,
Но эти письма с каждой их строкой
Написаны слабеющей рукой,
И, может, неоправданны. Понять
Сей труд равно, что время обгонять.

Поэты умирают от судьбы,
Склонив свои морщинистые лбы,
В зрачках их замирает гибель звѣзд,
В груди – туберкулѣз.

Сосна тысячелетняя стоит...
И пусть себе стоит!
А тот поэт уже свой путь прошѣл
И в небо перешѣл.

И эти-то застывшие глаза,
Как будто проревевшая гроза,

Все охватили, и застыл хрусталь
И, словно мячик,
покатился вдаль.
Поэты умирают на войне.

Не по моей, не по своей вине.
Искрящийся, он по земле летел,
Но обжигая небо пролетел
Туда, откуда тысячи ворон
Вторгаются в мой сон.

Гром прошумел в небесных плоскостях
И спрятался в костях
Лежащего под деревом, которое
Объято синим пламенем, как в Торе.

ЗАГАДКИ НА ПОТОЛКЕ

Да, брат, все это архаизм и пошлость.
И ночь на нас бросается, как кошка-
сфинкс, и нам бессонницей грозит.
Да, брат, от нас отчаянием разит...

Я не поэтом быть, а славным другом
Желал. Ещё желал я славной смерти.
Недурно. Да. Ты прав: мечтать недурно.
Я слаб не меньше,
чем любой из смертных.

И на своём испорченном примере
Пытаюсь разгадать
всю тонкость веры.

И утро вновь. Очередная мука.
Великое очарованье дня,
Когда, толпясь, чураются друг друга
Холодный дождь и ранняя возня.

Но что еще язвительнее, – эти,
Влекущие старательно шаги
Под окнами, как жалобные дети,
Мои литературные враги.
Меня ж ещё не вынесло отсюда
Теченьем, как вонючую треску,
Не ждущую вмешательства от чуда,
Пассивно изводящую тоску.

Быть может, я тебе не нужен,
А просто ты взгрустнула вдруг
И, как еще привычный звук,
В твоём сознании разбужен.

Зовя, не позови на ужин.
Мы эти свечи все сожгли.
Когда-нибудь в зеркальной луже
Потонут желтые угли.

Нас память сотрясала хуже,
А эти снежные лучи
Глядят с наивностью жемчужин
На тонкий фитилёк свечи.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Я нырнул в глаза.
Море и гроза.
Линия меж них –
Там рождался стих.

Синева и блеск,
А над ними треск,
Молний острота.
Там пошла строка.

Ветер рвал волну,
Будто рыл ко дну.
И волна рвалась,
И строка далась.

Только там возьмёт
Творчество свой мёд,
Где слова и звук
В бой тебя зовут.

Так и я держал
За эфес кинжал.
Запекалась кровь –
Стих бывал готов.

Проза

Лариса БАДАЕВА

Родная кровь

/Роман/

(печатается с сокращениями)

Продолжение. Начало в №№1-3 (2020).

Радостно шагает Курбанов по родному селу. Еще холодно, кое-где не сошел снег, однако в воздухе чувствуется приближение весны. Мартовской истомой охвачена природа: задышали, ожили, проснулись деревья и кустарники, все сильнее слышится гомон птиц, носятся в каком-то своем восторге коты, добрее стал лай одиноких, бродячих собак.

Все готовится к празднику просыпающейся жизни, все торопится наполниться влагой, набраться соком, торопится цвести, благоухать, плодоносить.

Сайхан вдыхал в себя родной горный воздух, чувствовал, как наполнялись легкие, очищалось сердце, ясна голова под воздействием этого бесценного, природного лекарства – отчего края. В руках у него сумки с подарками, он представляет, как увидит и обнимет мать, отца, как до глубокой ночи будет разговаривать с братьями и друзьями, которые обязательно придут по случаю его, Сайхана, приезда.

Все будет как всегда – милым, дорогим, до боли знакомым.

А когда он под утро все же ляжет спать, то едва закроет глаза, к нему явится Нина – далекая, близкая, родная...

Вот такие мысли и чувства владели им, когда подходил к отчужденному дому.

Едва Сайхан успел захлопнуть за собой ворота, как уже заспешили к нему братья – Исмаил и Халид. Обнялись, приняли у брата его сумки.

– Какие тяжелые! – хохотнул Халид. – Это что у тебя, булыжники?

– Ага, специально для тебя нес, – ответил в тон ему Сайхан и уже другим, серьезным голосом спросил: – Что у нас нового? Все здоровы?

На миг замявшись, братья ответили:

– Отец что-то захворал, а так все по-прежнему.

– Что с отцом? – остановился Сайхан.

– Да непонятки какие-то, врачи лечат, а лучше ему не становится. Да сам все увидишь.

Вышла Хадижат с тазиком в руках. Увидела сына, бросила таз, ринулась навстречу. Вопреки характеру, обняла своего первенца.

– Мама, как ты? – спросил сын, отрывая лицо от складок материнского платья. По его глазам она поняла, что сын уже в курсе, и только махнула горестно:

– Я-то в порядке, только отец ваш приболел.

– Ну, пойдем к нему скорей.

Они вошли в дом, направились в комнату отца. Старый Алдам лежал на своих неизменных нарах, под толстым, стеганым одеялом. Под голову ему положили большую подушку, слишком большую, и оттого казалось, что он, скорее, полусидит, чем лежит.

Алдам не спал. Шум, оживленные крики жены дали понять, что кто-то прибыл. Прислушался, понял: старший сын. Обрадовался, сердце силь-

но забилося, надежда, еще вчера потерянная, возвращалась в его немолодое, познавшее все на своем веку сухое тело.

Дверь открылась. Вошел Сайхан, за ним следовали мать, остальные сыновья.

– День добрый, дада! Что с тобой случилось, какая болезнь тебя мучает? – спросил сын, склоняясь к отцу, чтобы по обычаю обнять его в знак приветствия.

– Приехал домой? – ответил отец, пока еще не обращая внимания на расспросы о здоровье. – Это хорошо. Когда дети мои дома, то это хорошо, это лечит.

– Дада, что у тебя болит?

– Не знаю, Сайхан, старость, наверное, или срок пришел. Вон бумаги на столе, почитай, что врачи написали.

Сайхан взял бумаги, углубился в изучение. Из всего нагромождения медицинских терминов он понял, что отец болен не одной, а сразу несколькими недугами – тут и проблемы с сердцем, желудком, почками, но это все еще ничего, главная беда заключалась в том, что у него неожиданно разболелась нога – распухла, покраснела, мучительно ныла, а отчего, никто не мог определить. Назначали то одно, то другое лечение, а результат неутешительный.

И начались походы Сайхана по инстанциям, чтобы выбить для отца путевки во всевозможные санатории. То достал путевку в Кисловодск – не помогло, то в Ессентуки – временное облегчение, то поехал с ним через все кордоны в Саки – безрезультатно.

Понял Сайхан, что лечить они пытаются следствие, а не причину, и причина эта скрыта где-то глубоко. Здесь, понял старший сын,

нужны системный, комплексный подход, полное обследование всего организма, включая головной мозг, возможно в нем и кроется настоящая причина болезни.

Только на Кавказе вряд ли вылечишь, скорее нужно ехать в столицы – в Питер или Москву. Но неожиданно подвернулся знакомый, который категорически отговорил везти отца в столицу – мол, нас, чеченцев, не любят, а потому залечат, загубят и еще деньги за это сдерут немалые.

– А куда тогда? – вконец растерялся старший сын.

В ответ услышал однозначное:

– В Израиль. Там и лечение классное, и врачи классные, и отношение к чеченцам тоже классное. Любят нашего брата за отвагу и смелость.

– А вера как же? – засомневался Курбанов

– А вера для них не важна, главное, чтобы шекели в кармане водились.

Расписал он Сайхану тамошнее лечение, привел убедительные примеры про своих исцелившихся родственников и в результате убедил, уговорил, обнадежил.

И тогда Сайхан решился, начал готовить документы, свои и отца, для поездки в Израиль, в клинику. После относительно недолгого «хождения по мукам» – помогли, как всегда, связи и деньги – пакет документов был собран, загранпаспорта выданы, чемоданы собраны.

Братья – Салман и Керим – проводили их до самого аэропорта в Ингушетии, попрощались, подождали, пока самолет не поднимется в небо и не исчезнет из поля зрения, еще раз пожелали им там удачи, нашептали молитв и вернулись обратно в горы. Теперь их уделом было лишь ожидание и надежда на благополучный исход.

...Стояло лето. В горах это лучшее время года. Леса, поля, сады и огороды утопали в сочной зелени, благоухали разноцветьем. Тучные стада коров и отары овец нагуливали жир на обильных травах лугах. От шумных горных рек веяло прохладой, сопровождавшейся сверканием водяных брызг, которые живописно расходились кругами в радиусе нескольких метров. Солнце жарило днем нещадно, зато вечерами духота спадала, убаюкиваяюще голосила в травах цикада, где-то отдаленно ухала одинокая сова, природа успокаивалась после шумного дня, отдыхала. Оттого и на душе человека становилось спокойно, тихо, умиротворенно. Несмотря на то, что в самой Чечне назревала серьезная заварушка. И хотя это тревожило, все же на фоне тишины и огромного темного неба, в котором обильно мерцали яркие, шаловливые звезды, страхи почему-то рассеивались, человек отдавался воле судьбы, растворяясь всем своим существом, всей сутью своей в пленительной ночной природе. Казалось, она, эта природа, обязательно защитит, поможет, спрячет от беды детей своих.

И вот в один из таких темных вечеров к дому, находившемуся на самом краю села, подкатила машина и бесшумно притормозила.

Из машины, с трудом поднимая свое отяжелевшее тело, буквально выкатился болезненный с виду мужчина. Он вытер огромным платком покрытое испариной красное лицо, захлопнул дверцу, подошел к воротам, стукнул пару раз по железу. Через некоторое время ворота открылись, его встретили, поздоровались, ввели в дом.

– Ассаламу алейкум! – адресовал слова приветствия тучный мужчина сидевшему на диване человеку.

Тот встал и ответил традиционно:

– Ваалейкум ассалам, присаживайся.

Тучный мужчина, кряхтя, опустился в широкое кресло.

– Извини, Умар, что задержался с новостями, сам понимаешь, время тяжелое, информацию добыть все труднее и труднее, люди скрытными стали, говорят неохотно, все больше за деньги.

Он отдышался после того, как все это выпалил, попросил принести воды.

Вошел мальчик с подносом, на котором стоял стеклянный кувшин с водой и два стакана. Он поставил поднос на журнальный столик перед гостем, налил в один стакан воды и удалился. Гость залпом осушил стакан и налил себе еще. Когда гость, наконец, напился, Умар произнес:

– Теперь, Хамзат, рассказывай все, что узнал.

Гость вытер губы, кивнул.

– В тот роковой вечер пуля угодила в Пахрудди случайно. Целились не в него.

Умар изобразил на лице удивление:

– Не в него, говоришь? А в кого тогда?

Хамзат, откашлявшись, продолжил:

– Я все узнал. В тот вечер из кафе вместе с Пахрудди выходило еще несколько человек, все они сопровождали своего командира Гади Сутаева, по кличке Индус.

– Ну и что? – нетерпеливо спросил Умар.

– А то, что хотели выстрелить в Индуса, но пуля попала в Пахрудди. Твой сын, к несчастью, в эту секунду обернулся зачем-то к нему и фактически своим телом заслонил и спас Гади жизнь. Только ненадолго.

– То есть?

– Гади исчез, полагают – убит, кем – неизвестно, искали – не нашли, а потом плюнули.

– Как это – плюнули?

– За Индусом много подвигов числится:

убийства, похищения, разбои. Ну вот, кто-то и расквитался. Таких, как этот Индус, у нас пруд пруди, к сожалению. Одним больше, одним меньше – никто не заплачет. Вот и плюнули.

– Мне на этого, как его – Гади или Индус – тоже плевать. Ты лучше скажи, как это относится к Сайхану.

– У Сайхана двоюродный брат был – Билал. Сирота, заступиться некому, сам как мог, вертелся парнишка.

– И что?

– А то, что не поделили они чего-то с Гади: то ли уволил он Билала, то ли еще чего-то, но вцепились они конкретно, вот его Гади и убил. Быть может, именно за него Сайхан и хотел отомстить. Вот, собственно, и все.

Умар в волнении вскочил со своего места и начал ходить по комнате. Теперь картина полностью прояснилась, но легче от этого ему не стало, напротив, печать величайшего сожаления легла на лицо старика. «Кто угодно, но только не Сайхан! – думал он. – О Аллах, не дай ошибиться, укажи верный путь».

– Да-да, возможно, так оно и было, – наконец, вымолвил, слегка успокоившись, Умар.

Он сел на прежнее место.

– Я благодарен тебе, Хамзат, ты принес ценные сведения. Дальше мы сами примем решение.

– Я тоже рад, – произнес в ответ Хамзат. – Что смог – сделал, чем-то, да помог. Я обещал Борз-Али и выполнил обещание.

Умар достал из шкафчика конверт.

– Нет-нет! – замахал руками Хамзат. – Баркалла, но Борз-Али щедро заплатил мне. Ничего не надо.

– Ну, раз так, – произнес Умар, – сегодня ты мой гость, ешь, пей, отдыхай. А завтра тронешься в путь.

Байраковы долго размышляли, что им делать – ведь, как ни крути, а сведения, даже те, что принес Хамзат, продолжали оставаться косвенными. Прямых доказательств собрать им так и не удалось, а прямо объявить – опасно и неблагородно, ведь, как бы то ни было, братья Курбановы спасли его второго и уже единственного сына. Все это Байраковы понимали, и потому оставалось одно – выждать и дальше. Время и терпение – вот два ключа, которые откроют замки от любых дверей.

В начале сентября из далекого Израиля к себе домой в родные горы вернулись Сайхан и его отец. В Тель-Авиве после тщательного обследования при помощи сверхсовременного оборудования был поставлен точный диагноз. Врачи обнаружили небольшое доброкачественное уплотнение в области шейных позвонков, из-за которого, собственно, и болела нога. Ему удачно сделали операцию, он без осложнений прошел послеоперационный период, и теперь Алдам, пока еще слабый, да еще утомленный длинной дорогой, все же выглядел неплохо и даже улыбался.

Началось паломничество родственников, соседей, односельчан, которые, искренне радуясь за Алдама, приходили выразить слова поддержки, внимания. Да и просто раздирало любопытство узнать, каково лечиться за границей и какова тамошняя медицина.

Алдам терпеливо все разъяснял, рассказывал, в свою очередь слушал и понимающе кивал. Обидеть никого не хотел, лишь когда сильно уставал, просил разрешения прилечь, и люди, понимая, что засиделись, прощались и уходили. А потом на смену им появлялись следующие,

и так продолжалось недели две-три. Но вскоре наступил долгожданный покой, и Алдам, полужележа на своих любимых нарах, перебирал четки, глядел в окно и просто радовался жизни – радовался тому, что может еще дышать, видеть солнце, горы, своих детей, слышать их голоса, чувствовать заботу и быть абсолютно счастливым. Больше от жизни ничего не требовал, хотел лишь одного: чтобы ничто не нарушало той величественной тишины, что опускалась каждую ночь на любимые его горы. Иногда в такие минуты созерцания к Алдаму подходила Хадижат, молча ставила рядом стакан чая или молока, поправляла одеяло, улыбалась только ей понятным мыслям и бесшумно удалялась. И от этой тихой заботы старику становилось еще более тепло, еще более благодно.

Как-то вечером, когда вся семья собралась вместе поужинать, навестить Алдама пришли Умар и Асрудди.

Им сразу же поставили приборы, придвинули дополнительные стулья и, несмотря на протесты, усадили за стол.

Однако гости ничего не съели, лишь отпили несколько глотков чая.

Разговор, естественно, повели об Алдаме, его самочувствии, здоровье.

– Да, здоров я теперь, – отвечал Алдам. – Если бы не настойчивость Сайхана, давно бы загнулся, да и отправился бы к праотцам. Так что, хоть тебе и больно, что Всевышний забрал у тебя одного сына, ты должен радоваться и благодарить Его за то, что оставил второго. Он – твоя радость, твое утешение и твое продолжение. Я рад за тебя, Умар, поверь, искренне рад.

Умар растерялся – он не был готов к подобному разговору, но понимал всю правоту слов Алдама.

– Если бы не твои сыновья, Алдам, не видать бы мне своего Асрудди. Аллах свидетель, я никогда этого не забуду.

– Да перестань, Умар, твой сын так же поступил бы, окажись в такой ситуации. Ведь мы, чеченцы, по сути, все одной крови: одна земля нас вскормила, вспоила, так что нечего благодарить. Живи долго, Умар. Единственная у нас, стариков, теперь радость – наблюдать, как взрослеют и мужают наши сыновья, как добиваются они успехов. Вот еще увидеть внуков хочется, – засмеялся внезапно Алдам. – А мои никак не соберутся. Твой-то молодец, уже сына Идриса заимел, а мой Сайхан о чем думает, не знаю.

Видно было, что он говорил о наболевшем. Старый Алдам сейчас изливал душу перед Умаром, чувствуя понимание и рассчитывая на поддержку.

– Да, действительно, – поддержал Умар. – Пора Сайхану семьей обзавестись, уступить дорогу остальным.

– Вот именно! – Алдам увлекся. – Если ничего не произойдет – ты же знаешь, в последние годы ничего нельзя планировать заранее, – так вот, если все будет спокойно, этой весной женим Сайхана. Его мать и невесту подыскала. Так что, не ты один теперь станешь дедушкой.

– Машаллах, это хорошая новость, надеюсь, так и будет!

Алдам мотнул головой, закашлялся и долго не мог остановить кашель, пока не выпил стакан воды.

Умар поднялся. Встал и Асрудди.

Алдам понял, что гости уходят.

– Не уходите, посидите еще, вы уж простите, что кашель создал нам неудобство в беседе, – проговаривал он извиняющимся тоном.

– Ну что ты! – ответил Умар. – Мы и так из-

мучили тебя своей болтовней. Поправляйся, Алдам. Пусть твое возвращение станет избавлением от тысячи недугов. Живи долго. Пойдем мы.

Они распрощались. Провожать вышли Хадижат и все сыновья.

Уже в воротах Умар поглядел на Сайхана долгим, изучающим взглядом – видимо, хотел что-то сказать, но не стал этого делать, лишь вздохнул, пожелал всем спокойной ночи и вместе с Асрудди, который слегка прихрамывал, заторопился в сторону своего дома.

Сайхану сделалось не по себе от этого взгляда.

«Неужели он что-то знает? Точно, он наверняка знает!»

Радость возвращения омрачилась воспоминаниями и смутными предчувствиями.

А в самой Чечне события развивались следующим образом: 14 сентября – президент России заявил, что следует подвергнуть беспристрастному анализу Хасавюртовские соглашения, а также временно ввести жесткий карантин по всему периметру Чечни.

18 сентября – российские войска блокируют границу со стороны Дагестана, Ставропольского края, Северной Осетии и Ингушетии.

23 сентября – российская авиация начинает бомбардировки столицы Чечни и ее окрестностей.

Потянулись колонны беженцев из числа мирного населения...

Сайхан и его братья, как и в первую военную кампанию, готовились уйти в ополчение, движимые патриотическими чувствами, желанием постоять за родную землю, в который раз уж преданную и своими, и чужими.

А накануне вечером он прибыл в дом Байраковых. Поздоровавшись со всеми, попросил Умара

уделить ему время для беседы с глазу на глаз.

Услышав это, Умар задрожал.

«Вот оно! – подумал старик. – То самое, ради чего терпел и выжидал. И впрямь, терпение – одно из составляющих мудрости. И награда за нее – истина, открывающаяся нам во всем своем величии и наготе».

Оставшись наедине, убедившись, что их никто не слышит, Умар обратился к Сайхану:

– Слушаю тебя, мой мальчик, поведай старику, что тебя тревожит.

Сайхан долго не знал, с чего начать, но в одном был уверен – начать нужно, и так уже запоздал порядком, а дальше откладывать совсем невозможно.

– Послушай, Умар, я долго ношу это в себе, всегда хотел рассказать, мучился, совесть мучила, и не потому, что боялся смерти, а потому, что все это нелегко для отца, для братьев.

– Да что у тебя стряслось, объясни! – не говорил, кричал Умар.

И тогда Сайхан твердо, выделяя каждое слово, произнес:

– В твоего сына, Умар, стрелял я.

Старик вдруг сгорбился. Знать, догадываться, чувствовать – это одно, а прямо в лицо услышать подобное признание от человека, которого всегда любил, ценил, которому был обязан жизнью другого сына – это удар, тяжелейший удар. Не приведи Аллах хоть кому-то такое испытать!

Он поднял на Сайхана глаза, полные слез, спросил:

– Зачем ты это сделал?

Сайхан, пытаясь сохранить самообладание, промолвил:

– Клянусь, Умар, я не хотел стрелять в твоего сына. В ту секунду, когда я нажал на курок, Пахрудди помешал мне, и пуля вошла в него.

– А убить ты хотел Гади Сутаева, не так ли?
Пытливые глаза вонзились в собеседника как острые пики.

– Ты знаешь это? – не то удивленно, не то просто констатируя факт, ответил Сайхан, и густая краска покрыла его лицо и шею.

Умар кивнул.

– Да. Мы проводили собственное расследование.

– И вы молчали? Зачем? Почему не пришли, чего выжидали?

Сайхан был ошеломлен. Столько времени молчать, мучиться – зачем? С какой целью?

Умар ответил честно:

– У меня не было прямых доказательств, а без них любое подозрение – всего лишь подозрение.

– Теперь ты знаешь это от меня, – глухо произнес Сайхан. – Можешь делать все, что считаешь нужным.

Умар вздохнул. Какая тяжелая сейчас лежала на нем миссия.

– Сайхан, я слышал, ты завтра уходишь с ополченцами.

«И это знает он!» – усмехнулся про себя Курбанов и вдруг услышал:

– Иди себе спокойно, вернешься – тогда обсудим.

– Но я... – замялся Курбанов, – могу и не вернуться. Я бы не хотел, чтобы мои братья расплачивались вместо меня.

– Клянусь тебе на Коране, что никто не тронет твоих братьев до твоего возвращения! — твердо пообещал старик.

– Баркалла, – прошептал Сайхан тихо и так же тихо ушел.

На следующий день он отправился в ополчение.

Москва. Ноябрь 1999 года.

Родильное отделение одной из городских больниц столицы.

Нину привезли в роддом рано утром. Рядом находилась мать, которая не отступала от нее ни на секунду, несмотря на протесты и возражения врачей.

В приемном отделении оформили документы, взяли кровь на анализы. Нина держалась стойко, лишь иногда бросала страдальческий взгляд темных глаз в сторону своей матери, которая без слов понимала боль, тоску и разочарование дочери.

– Ничего, – как могла, успокаивала ее мать. – Все хорошо. Сейчас главное – ребенок, остальное – приложится. Ты только держись, родная, держись, моя девочка.

Врачи обступили Нину и мягко отвели в сторону ее маму.

– Ничего, мамаша, не волнуйтесь, скоро бабушкой станете. Идите лучше домой, не ждите в коридоре.

– Конечно, конечно, – Анна Александровна всхлипнула и покорно удалилась.

Нину отвели в родильное отделение, положили в предродовую палату. Здесь уже находилось несколько женщин, которые с любопытством начали разглядывать новенькую. Нина выбрала себе кровать у окна, разложила вещи и села.

А в глазах, несмотря на наставления матери, по-прежнему таилась грусть. Она вспоминала Сайхана, их счастливые встречи и его внезапное исчезновение.

«Почему он больше не приехал? Неужели забыл меня? Неужели я была всего лишь мимо-

летным эпизодом в его жизни? – думала Нина и тут же отбрасывала эту мысль. – Нет, он не такой. Если б он знал о ребенке, то непременно был бы сейчас со мной. Но он, увы, не знает. А теперь... кто я теперь? Мать-одиночка, брошенная любимым человеком».

По щекам покатались слезы.

– Эй, подруга! – услышала она голос одной из женщин, которая лежала напротив нее. – Ты это брось тут раскисать. Чего сырость развела? Не рада ребеночку-то?

Нина стремительно смахнула ладонью слезы и ответила:

– Рада, конечно, как же иначе.

– А чего ревешь? – женщина, еле переступая распухшими ногами, держась одной рукой за бок, под села рядом.

– Да так, – отвела взгляд Нина.

– А-а-а, – протянула та. – Известная история. Поматросил, да и бросил?

– Примерно так, – вздохнула Нина.

– Да и ладно, – со смехом, чтобы поддержать Нину, воскликнула та. – Ну и черт с ним! Зато какой ребеночек будет – загляденье, вот увидишь. Радуйся, все у тебя будет хорошо. Думай прежде всего о малыше, а на остальное наплюй, не стоит оно того.

Зашла медсестра.

– Кто из вас Орлова?

– Я, – поднялась Нина.

– Иди в смотровую. Врач тебя осмотрит.

Нина вышла из палаты, прошла по коридору в сторону смотровой. Кругом расхаживало множество женщин. И ей казалось, что нет здесь женщины несчастнее, чем она. Но она держалась стойко, выставляя более свои чувства напоказ Нина не собиралась.

«И правда, все образуется. Сейчас главное –

малыш», – сказала себе и вошла в кабинет, где ее ожидал врач.

Нина спокойно отвечала на вопросы, дала осмотреть себя, но, не выдержав, спросила:

– Что, доктор? Все нормально?

Пожилая врач-гинеколог, видя ее страх, подбодрила:

– Да, нормально. Только пока еще рановато. Полежите у себя пару часов, тогда и видно будет.

И как в воду глядела.

Через два часа все и началось.

Чечня. Ноябрь 1999 года.

Идет третий месяц второй военной кампании.

Тремя фронтами (с севера, запада и юга) российская армия вошла в Чечню. Военная машина развернулась во всю мощь. Артиллерия и авиация работали бесперебойно и бомбили все подряд.

Войска двигались по Терскому и Сунженскому хребтам. Было ясно, что нынешняя кампания будет гораздо страшней и разрушительней, чем первая.

Тем временем к отрядам боевиков примыкали и простые ополченцы, считавшие своим долгом мужчины сражаться за землю отцов.

Как и в первую кампанию, простые ребята, крепкие и мужественные, отдавали свои жизни, сражаясь и противодействуя российской военной машине. Были среди них и братья Курбановы – Сайхан, Халид, Салман, Исмаил, Керим.

Шатойский район подвергался непрерывному обстрелу с земли и воздуха. Сражались за каждую возвышенность, за каждое дерево и куст.

На что надеялись эти смельчаки? Своими телами остановить танки и самолеты? Обма-

нутые пропагандой, как и тогда, в 1995 году, они становились пушечным мясом, прикрывая спины тех, кто наживал миллионы на их крови.

Но об этом когда-нибудь, в свое время, честно и объективно скажут историки.

А пока шли бои. Жестокие и беспощадные. Рвались снаряды, мины. Грохотала наземная техника.

Конец осени выдался холодным, с частыми дождями.

Небольшими группами ополченцы рассредоточились в окрестностях гор Шатойского района. Шатой бомбили день и ночь. Те, которые потеряли кров, имущество, родственников, активно присоединялись к боевикам. Многие из них брали в руки оружие впервые. Обида, унижение, ненависть, непокорное упрямство были теми факторами, которые способствовали увеличению численности боевиков.

Тысячи честных и чистых парней отдавали жизни не за мифическую свободу, а за родную землю.

Уже много бессонных дней и ночей отряд, в котором были и братья Курбановы, находился в лесных массивах под шквальным артиллерийским огнем. Сайхан балагурил и поддерживал остальных. Его почти двухметровая фигура возвышалась над всеми. Иной раз Халид или Исмаил упрашивали брата пригнуться. На что Сайхан отвечал с усмешкой:

– Не дождутся. Ни перед кем не прогибался, а уж перед этими ястребами, – он имел в виду авиацию, – и подавно не буду.

А в лесах уже становится все холоднее. Листва на деревьях реденет с каждым днем. Непрерывно моросит мелкий частый дождик. Земля холодная, мокрая. Ночью заморозки. Единственное спасение – кустарники. На них забираться, как на кровати, засыпаешь мертвецким

сном. Если удастся поспать часок-другой – это счастье. Костров старались не жечь, чтобы не привлекать внимания дымом. Дороги сплошь в лужах, грязь чавкает под ногами и порой примерзает к ботинкам.

Зверя нигде не видно – попрятались кто где. Гораздо страшнее волка и медведя сейчас люди. В руках их смертоносное оружие, в глазах – злоба и решимость на все. Отступить никто не собирается.

После многочасового пути позволили, наконец, себе привал. Все грязные, усталые, вымокшие.

Курбанов-старший вытаскивает из походного мешка снедь – лепешку, сыр, кусок мяса. Делит на части. Самый младший в отряде – это мальчишка из селения Гихой по имени Дауд. Он предлагает принести ключевой воды.

– Только осторожно! – предупреждает его Сайхан.

– Я мигом, не волнуйся.

Парнишка, легко перепрыгивая через кочки и буреломы, спустился к небольшому ручью, который, тихо журча, уходил себе куда-то вдаль, не ведая печали и забот.

Дауд помыл руки и, несмотря на холод, ополоснул лицо – уж больно привлекательными и ласковыми были серебристые воды. Но едва он зачерпнул во флягу воды, как услышал отдаленные неясные речи и голоса, отдающие приказы. Сомнений быть не могло, за лесом находились федеральные войска.

Пулей помчался Дауд к своим. Из фляжки разбрызгивалась вода, он забыл закрыть фляжку.

– Эй! – крикнул приглушенно, негромко. – Там... – он показал рукой туда, откуда только что прибежал. – Там войска!

Как бы в подтверждение его слов, закружили над лесом два вертолета.

– Ах, чтоб вас! – воскликнул Сайхан, передергивая автомат. – Готовьтесь, ребята. Думается мне, бой будет жарким. И еще, – он посмотрел на своих товарищей, – если кто колеблется – уходите. В жизни есть много чего, где вы сможете проявить себя, принести пользу. Это не будет считаться проявлением слабости, напротив, необдуманное расставание с жизнью вовсе не геройство.

– А ты, Сайхан? – спросили его.

– А я останусь здесь и буду драться, – взгляд его был тяжел и мрачен. – Я их сюда не звал с оружием. Сами явились. Это моя земля. Здесь лежат мои предки, здесь буду лежать и я.

Один из ополченцев, Элси, тихо добавил:

– Здесь не только твои предки лежат, брат. Так что, быть нам вместе.

Недалеко раздался оглушающий взрыв. И снова крик с надрывом:

– Ложись!

А затем сплошная канонада. В ход пущено все: от автоматов до минометов «Муха».

Бой усиливался. К федералам прибыло подкрепление. Мощная поддержка с воздуха придавала им большую степень уверенности, воодушевления, наглости. По ущелью проносилось эхо грохота. Ополченцам же придавала сил родная земля, за которую они сейчас отчаянно бились и на которую ручьями лилась их кровь.

– Ай! – вдруг совсем по-детски крикнул Дауд и упал на одно колено. Рукой он обхватил голову. Из-под нее струйками потекла кровь.

– Что с тобой? – не обращая внимания на шквальный огонь, подскочил к нему Сайхан. – Покажи.

Он с силой разжал руки, ахнул – осколками парню выбило глаз, все лицо было изрезано, ключьями висела кожа.

– Ничего, сейчас перевяжу, – Сайхан привычным жестом разорвал упаковку, развернул бинт и щедро, не жалея, крепко-накрепко перевязал голову.

– Ничего, пацан, – говорил он парню, который лишь стонал. – Все будет хорошо, после боя к врачам, а те сделают свое дело, а пока полежи вон под тем кустом.

Сайхан перетащил мальчика под куст, закидал его ветками, листьями, затем вновь присоединился к своим.

Вот уже отчетливо замаячили фигуры незваных гостей. Измазанное грязью, землей, потом лицо Сайхана было страшно. Он поглядел на товарищей – те выглядели не лучше. У Элси все плечо было перебито, он еле держался на ногах, зубы скрипели, сдерживая боль. Свой последний бой этот смельчак вел, прислонившись телом к огромному дубу, которое теперь поддерживало его, питало энергией, закрывало собой. Его автомат не умолкал, направляя смертоносное жало в сторону тех, кто всего лишь за несколькими рядами вековых деревьев, подчиняясь жестоким, бессмысленным приказам сверху, матерясь, ругаясь, и сами, в свою очередь, становясь пушечным мясом, приносили на эту землю смерть и разрушения.

Элси из последних сил бросил Сайхану:

– Нам надо выбираться отсюда. Давай вниз, по склону.

Сайхан покачал головой:

– Там открыто, как на ладони. Видишь, лес кругом обнажился, а там и подавно. Перестреляют нас, как куропаток.

– Что предлагаешь?

– А тут и предлагать нечего. Знали ведь, на что шли, – хмурый голос Сайхана не оставлял сомнений. – Останемся до конца здесь.

Неожиданно сзади них раздались выстрелы.

– А-а!– закричал Сайхан. – Окружили нас, сволочи!

Опять, совсем рядом, начали рваться снаряды. Сайхан пригнулся, проклиная себя за слабость.

– Эй ты, жив? – крикнул он Элси, но ответа не услышал – тот лежал под деревом с открытым лицом, и только свисающая ветка с почерневшей листвой неумело пыталась прикрыть глаза этого светлого парня, защитника родной земли.

– Эй! – крикнул оставшимся парням Сайхан.

– Как вы, держитесь?

В ответ он услышал пару фраз откуда-то издалека:

– Все нормально.

– Держимся.

– А братья мои где?

– За склоном!

«И то хорошо».

Сайхан, используя каждое дерево, куст, кочку, отстреливал свои патроны. Все же еще сохранялась в нем надежда, что удастся вырваться.

«Если бы лето, – думал Сайхан, – непременно ушел бы. Сейчас невозможно».

Вдруг он увидел, как прямо на него шел военный, одетый в форму десантника.

«Значит, прорвались, через пару секунд будут и остальные», – подумал Сайхан и одним прыжком набросился на десантника. Тот не успел ойкнуть, как оказался под Курбановым. Еще секунда – и дело решилось. Сайхан схватил его оружие, отбежал прочь, крикнул своим:

– Они уже близко. Отступайте, кто как может!

И тут совсем рядом взорвалась мина. Земля задрожала, кинулась вверх комьями и затем опустилась, осыпав Курбанова целиком. Сайхан почувствовал острую боль, коснулся рукой, понял – ступни правой ноги больше нет.

Горько усмехнулся:

– Что ж, не сойти мне с этого места, пока кого-то еще не отправлю к праотцам!

Он схватил пригоршню листьев, вытер ими лицо. Его автомат бил уже прицельно. Он видел свою мишень и лупил всю.

Те в ответ посылали долгие пулеметные очереди. Истошно кричали зимние птицы на верхушках деревьев. Потом все затихло. Сайхан облизнул пересохшие губы. Он поглядел в небо сквозь стволы деревьев, подмигнул птицам:

– Возьмите меня с собой, унесите.

Птицы загалдели, словно поняли, что это с ними говорят, и старались, отвечали.

– Ах, – махнул рукой Сайхан. – Ну вас. Не сможете.

Неожиданно вспомнил Дауда.

«Интересно, как он? Жив? – Сайхан поглядел в сторону того места, где, прикрыв листьями и ветками, оставил Дауда. – Хоть бы он не высовывался. Хоть бы не нашли его! О Аллах, сжался над ним, он ведь еще ребенок!» – молил Сайхан. О своем ранении он не думал. Не думал также ни о жизни, ни о смерти. Все было очевидно и без размышлений. Смерть глядела ему в лицо, обдавала отвратительным холодом. Вопрос был лишь во времени. Он тяжело дышал, слабость увеличивалась с каждой минутой.

«Попить бы, – подумал он, облизывая поседевшие сухие губы, – родниковой воды. А там и смерть не страшна».

Он пополз в сторону небольшого вала, подумав: хорошо бы здесь окопаться. Увидел тела погибших товарищей. Губы его прошептали поминальную молитву. Около одного из них обнаружил самодельную гранату. Взял с собой. Пополз. Вновь послышались голоса. Уже много голосов. Показались фигуры. За валом,

отдышавшись, Сайхан начал свой последний бой. Когда закончились патроны, он отбросил в сторону автомат, схватил ту самую гранату и, поднявшись во весь свой рост, стоя на одной ноге, швырнул ее. Раздался взрыв. В ответ со всех сторон были пущены по нему автоматные очереди. Пули буквально изрешетили его огромное, могучее тело. Он упал, рука соскользнула с вала на землю, дернулась и затихла.

На лице Сайхана застыла улыбка. Он улыбался, словно перед ним стояло родное ему лицо. Возможно, он видел мать, а возможно, это было лицо любимой женщины. И кто знает, может, то предстало лицо только что появившегося на свет сына. Кто знает...

После того, как бой завершился, федералы забрали тела погибших чеченцев с собой. А через два месяца вернули их родственникам за огромный выкуп.

Москва. Ноябрь 1999 года.

Родильное отделение одной из городских больниц.

– Мамочки, принимайте детей для кормления! – две медсестры разносили по палатам новорожденных.

Нина сидела на кровати, с нетерпением ожидая, когда ей принесут ребенка. Наконец, дошла и до нее очередь.

– Вот, мамаша, принимай-ка своего богатыря, – сказала ей медсестра, передавая на руки ребенка. – Такой он у тебя горластый. Как начнет – всех на уши поставит. Вот уж вырастет атаманом разбойников, – ворчала медсестра, а сама с нежностью глядела на крупное, белое лицо ребенка с красивыми чертами и большими синими глазами.

– В отца, наверное, – кивнула Нине медсестра, переводя взгляд на малыша. – Сама же ты чернявая.

– Да, в отца, – машинально ответила юная мать, готовясь к кормлению.

Нина глядела на мальчика и еле сдерживалась от нахлынувших чувств. Теперь это были совершенно иные чувства – в них были огромная материнская нежность и всепоглощающая любовь.

«Ты будешь счастливым, мой мальчик, обещаю тебе, очень счастливым, верь мне, своей матери! Ты теперь мой мир, моя вселенная, моя жизнь, и другого мне не надо».

Продолжение следует.

Голоса грузей

Валерий СУХОВ

Родился в с. Архангельское Городищенского района Пензенской области в 1959 году. В 1980 году окончил историко-филологический факультет ПГПИ имени В. Г. Белинского. Поэт, литературовед. Автор нескольких поэтических сборников: «Вербное воскресенье» (Москва, 1995), «Благословение» (Пенза, 2000), «Неопалимая полынь» (Пенза, 2003) и др. Член Союза писателей России, лауреат премии имени М. Ю. Лермонтова.

СТЕПЬ

А моя мать – степь широкая.
М. Ю. Лермонтов

У татарника – медовый запах,
Но роднее горькая полынь.
Не перестает о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» – любовь до боли.
И не всем ее дано понять.
Только степь ему была, как мать,
И о ней он тосковал в неволе.

У горы Машук в чужом краю
Перед смертью родину он вспомнит.
И полынь седая тихо склонит
Над поэтом голову свою...

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошел в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа.

Он в светлой муке всепрощенья
С молящихся не сводит глаз,
Благословляя за мученья,
Которые приял за нас...

Июльский дождь идёт в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлете,
Чем на излете умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.

Летящую над черной бездной
Ее – архангел Михаил

Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного –
На миг остановиться тут,

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нем светлый обрела покой.

Тарханы – Пенза

ТАКАЯ РУССКАЯ СУДЬБА

Поэт по склону Машука
Взошел на русскую Голгофу.
И хлынул ливень на века.
От грома Петербург оглохнул!

Казалось, молнией гроза
Его сразила, а не пуля.
«Собачья смерть» – так царь сказал –
Псарь руки потирал, ликуя.

Такая русская судьба.
«Что вы везете?» –
«Грибоеда»...
И вновь прокрустова арба
Лафетом стала для поэта.

Не поместилось тело в ней,
Забрызганное красной глиной, –
К земле клонилось все сильнее,
Как куст надломленной рябины.

Полуоткрытые уста
В усмешке Демона застыли...
Пророка, снятого с креста,
Без отпеванья схоронили.

ЗЕМНАЯ ГОРЕЧЬ

Не узнать его в лихом рубаке
Со смертельным холодом в очах.
В красной канаусовой рубахе
И в косматой бурке на плечах.

А в хрящах заросшего ущелья
Клокотал реки гортанный крик.
В ярости кипя, на «голос мщенья»
По камням срывался Валерик!

Рукопашный в ледяной купели
Эхом отзывался по горам!
«Резались жестоко» и хрипели:
«Господи, спаси!» – «Аллах Акбар!»

Досыта свинца тогда хлебнули.
Но невидимым покровом крыл
От кинжала и чеченской пули
Охранил архангел Михаил.

Дождь хлестал, и выл протяжно ветер.
Пенилось кровавое вино.
Небо заглянуло в реку смерти –
В ужасе отпрянуло оно...

А полынь клонилась под копыта.
И касался конь её едва.
Все, что душу мучило – забыто.
Исцеляла горькая трава.

Слезы на седых степных ресницах
Отразили сумрак грозовой.
Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоенный горечью земной!

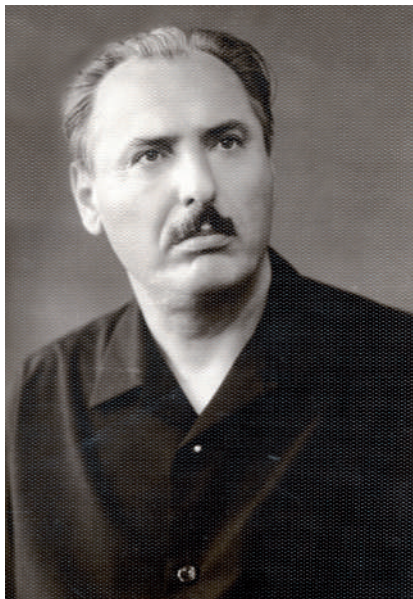

Культура в лицах

Раиса САДУЛАЕВА

Человек, умевший мечтать*

/Очерк/

*Человек должен мечтать,
чтобы видеть цель своей жизни.*

Вольтер

Когда этот красивый, высокий, с открытым лицом и пронзительным взглядом человек входил в комнату, казалось, всё вокруг преобразается: становится более ярким, значимым, весомым. В этом была магия личности чеченского актёра, писателя, поэта, драматурга, переводчика, театрального деятеля, народного артиста Чечено-Ингушской АССР Абдул-Хамида Хамидова. Кипящая в нём энергия творчества, ведущая его от одной воплощенной мечты к другой, врожденная интеллигентность в сочетании с блестящим умом, великолепным чувством юмора, простотой и жизнелюбием раз и навсегда покоряли сердца тех,

кому посчастливилось общаться с ним.

С его именем связано возрождение в 50-60-е годы двадцатого века сферы культуры ЧИАССР, ведущих коллективов республики – Чеченского драматического театра имени Ханпаши Нуррадилова и Государственного ансамбля песни и танца «Вайнах». Мудрый и дальновидный руководитель, гениальный создатель ярких драматургических полотен, деятель культуры, открывший зрителю целую когорту талантливых артистов – это Абдулла Хамидов.

Всё начинается с мечты

Он родился в красивом чеченском селе Старые Атаги в самый разгар осени – 15 октября 1920 года. Счастливое детство, вобравшее в себя брызги щедрого солнца, весёлое бурление речки, горячую пыль сельских улиц, по которым носилась их неугомонная мальчишеская ватага, пожалуй, было самой радостной порой его жизни. Он тогда не знал, что впереди его ждут годы испытаний и трагических событий. На его короткий век их пришлось немало.

Уже в детстве в нём обнаружился недюжинный ум и любознательность. Он черпал мудрость из

* Коллектив «Издательского дома» благодарит директора Национальной библиотеки им. А. Айдамирова Сациту Исраилову за предоставленные к данной статье фотографии.

рассказов стариков, впитывал в себя народный фольклор и юмор, которыми была щедро сдобрена сельская жизнь, с упоением слушал родные напевы, нанизывая увиденное и услышанное на нить своей памяти. Он записывал тирады взятых острословов, восхищаясь их виртуозным владением родным языком, и копил, наращивал, приумножал те вербальные сокровища, которые были рассыпаны по всей канве его беззаботной и прекрасной юности.

В четырнадцать лет в нём зародилась мечта стать поэтом. Он сочинил свои первые стихи, а потом рискнул и рассказ написать. И был очень горд, когда их опубликовали в местной газете. Он начал читать. Много. Запоем. Каждая свободная минутка – новым страницам. С тех пор книги навсегда войдут в его жизнь, а чтение станет непременной, обязательной, необходимой, как воздух, её частью.

К слову, будущая жена Хамидова – Малика обратила на юношу внимание потому, что он постоянно носил с собой кипу книг, всегда был в центре внимания, и вокруг него постоянно вилась молодёжь.

...Он влюбился в театр, когда в 15 лет поступил в педагогическое училище в станице Серноводская. Вообще-то, из родного села, от греха подальше, его увёз дядя, прознав о вольном характере племянника, о непрекаемом авторитете, благодаря которому парнишка стал лидером местной молодёжи и получил прозвище «Деваша» (дядя, дословно – брат отца), потому что даже ребята постарше прислушивались к его мнению и считались с его словом. Обо всех проделках Дяди и его команды жители села судачили, осуждающе прицокивая языками.

Но эта первая в жизни юноши «ссылка» оказалась счастливой. Дело в том, что в училище был

свой театральный кружок, часто выступавший на смотрах художественной самодеятельности. Абдулла стал самым активным его участником. И с этого времени вопрос о выборе будущей профессии для него был окончательно и бесповоротно решен. Он мечтал войти в таинственный мир подмостков и блестящий круг драматических героев. А когда в восемнадцать лет узнал, что в республике начался набор абитуриентов для поступления в Государственный институт театрального искусства, то явился одним из первых на творческие туры. И блестяще прошел их! Так он стал студентом актёрского факультета ГИТИСа. Шёл 1938-ой год.

В студенческие годы А. Хамидов увлёкся переводами: «Мещанин во дворянстве» Жана-Батиста Мольера, «Власть тьмы» Льва Толстого, «Отелло» Уильяма Шекспира и другие пьесы он перевёл на свой родной язык, надеясь когда-нибудь увидеть их на сцене чеченского национального театра.

Учеба открыла ему новые горизонты, радостное осознание того, что он теперь является частью того великого и притягательного явления, которое называется Театр. Он загорелся идеей творчества, будущие постановки теснились в его голове, мысленно он уже видел героев бессмертных произведений, произносящих монологи на подмостках родного грозненского театра. Спустя годы эти его мечты сбудутся.

Со студенческой скамьи во фронтовую бригаду

Но окончить институт Хамидов, как и другие студенты СССР в трагическом 1941-ом году, не успел – грянула Великая Отечественная война. Вместе с друзьями его откомандировали в Грозный: лозунг военного времени «Все для фронта,

Слева направо: А. Хамидов, В. Вайнштейн, Р. Хакимов (1967)

всё для победы!» для театральных работников стал отправной точкой для создания патриотических, поднимающих боевой дух фронтовиков спектаклей.

Чечено-Ингушский драматический театр встретил Абдул-Хамида и других студентов ГИТИСа, прибывших в республику, как долгожданное подкрепление. Многие артисты театра были призваны в действующую армию, и обедневший актерский состав требовал вливания новых творческих сил. А. Хамидов играл в постановках, помогал в работе по созданию фронтовых бригад, и его деятельная натура, авторитет среди коллег сразу же привлекли внимание руководства министерства культуры республики: двадцатидвухлетнего актёра назначают директором театра.

Это был трудный период для молодого директора: «боевые гастроли» – организация выступлений

коллектива со спектаклями в армейских частях и госпиталях по всему Северному Кавказу, в Ставрополье и Краснодарском крае, перед строителями оборонительных сооружений на подступах к Грозному – требовали невероятных сил, бессонных ночей, постоянных переездов... Но все работали самоотверженно и без жалоб: они видели со сцены глаза бойцов, их решимость в любой момент подняться в атаку, их сочившиеся кровью раны, видели, как преображаются на спектаклях их лица, как они озаряются улыбками. Это придавало артистам сил. А еще письма из частей, в которых коллектив театра благодарили за выступления...

Указом Президиума Верховного Совета ЧИАССР «За образцовое художественное обслуживание частей Красной Армии в дни Великой Отечественной войны и за вклад в развитие искусства республики» 30 июня 1943 года Абдул-Хамиду Хамидову, в числе других коллег, было присвоено звание Заслуженного артиста ЧИАССР.

В том же году он пишет первые страницы пьесы «Совдат и Дауд», которой суждено было стать одной из самых блестящих и любимых публикой постановок в репертуаре национального театра.

«Спектакль отменяется»

22 февраля 1944 года на сцене Чечено-Ингушского театра шел спектакль «Олеко Дундич». Зрители мерзли в плохо отапливаемом здании, но забывали о холоде, видя как ярко, темпераментно играют актёры. Вдруг дверь в зал распахнулась, вошли вооруженные солдаты и направили автоматы на зрителей. Те, думая, что это часть представления, бурно зааплодировали. Но тут на сцену поднялся директор театра. С затуманенными от внутренней боли

глазами, срывающимся голосом А. Хамидов произнёс: «Спектакль отменяется! Прошу разойтись по домам!»...

На следующий день началось выселение чеченцев и ингушей с родной земли. Руководство НКВД, опасаясь восстания и сопротивления, на которое могли поднять народ образованные и пользующиеся авторитетом личности, приняло решение: известных в республике людей отправить к местам выселения чуть позже. Те несколько дней, в которые Абдулла Хамидов и вся группа политических, общественных и культурных деятелей ждали своей депортации, они видели страшные картины опустевшего, разоренного Грозного: всюду на улицах валялись вещи, утварь, предметы мебели, которые ссыльным не разрешили взять с собой, проёмы открытых дверей зияли, как застывший крик, и надо всем висела пугающая, нечеловеческая тишина – даже птицы покинули осиротевший город...

Родители, сестры и единственный брат, все родственники Абдуллы Хамидова были высланы в первый же день операции «Чечевица». Он со своей семьёй – женой Маликой и полуторагодовалой дочерью Ларидой – ждал своей очереди. Малика пыталась выменять на рынке всё более-менее ценное в доме на продукты питания.

Абдулла Хамидов тоже готовился к отъезду: каждый день он приносил с работы огромные кипы документов, афиш, фотографий, распечаток пьес, освобождал ящики и баулы от продуктов, приготовленных женой в дорогу, и заполнял их архивом театра... «Хлеб можно найти, а эти бумаги – уникальны, их нужно спасти», – внушал он растерянной Малике. Спустя годы, возвращаясь после выселения домой, он привезёт весь этот архив обратно,

сохранив тем самым ценнейшие свидетельства истории чеченского национального театра с момента его зарождения в 1931 году.

...Пятьдесят лет спустя, в новогоднюю ночь 1994-95 годов, во время штурма Грозного, дом, в котором жила семья Хамидовых, был стёрт с лица земли бомбардировщиками. В огне пожара погиб тот самый бесценный архив, который благодаря Абдулле Хамидову пережил сталинскую ссылку...

Письмо к Сталину

Тогда они еще не знали, что долгие тринадцать лет им суждено выживать в казахских и киргизских степях, в сибирской глуши. Что опустевшие улицы городов и сёл, их родные дома скоро заполнят чужие люди. Что неубранные декорации на подмостках чеченского театра покроются инеем...

А. Хамидов разделил судьбу своего народа. Клокотавший в его груди гнев на тех, кто обрёл ни в чем не повинных людей на смерть, на несправедливое, клеветническое клеймо «врагов народа», не давал покоя, гнал сон, не выпускал сердце из цепких объятий горестных раздумий.

Не отпускала и тревога за родных: «Что с ними, живы ли отец, мать, сёстры, брат?» Таких разлученных семей среди переселенцев насчитывалось немало. Искать друг друга официально было невозможно: ссыльные не могли покидать населенный пункт без разрешения спецкомендатуры. Но в Джамбульской области, куда попала семья Хамидова, был один верный способ найти хоть какую-то информацию о сосланных – базар, на который разрешалось приезжать жителям близлежащих сёл. Здесь в разных уголках рынка можно было услышать кричащих в толпу людей: «Эй, чеченцы, не знаете ли что-нибудь о...?» И дальше следовали фамилии высланных. Вахидовы, Ахма-

довы, Гадаевы... Так Абдулла нашел и своих...

Переселенцы жили впроголодь, и чтобы выжить, старались обработать любой доставшийся им клочок земли. Дочь писателя и сейчас помнит, как родители собирали красную картошку, как мама осматривала высокие стебли кукурузы в поисках початков, как отец со своим дядей закатывали на старенькую покосившуюся тачку огромные тыквы...

А. Хамидов к тому времени уже работал художественным руководителем Дворца культуры сахарного комбината Джамбульской области. Зарплату не платили, вместо неё выдавали сахар, но для ссыльных любая работа была большой удачей.

О его энергичной и плодотворной деятельности ходили легенды. Вскоре, получив разрешение спецкомендатуры, он переезжает с семьёй в Киргизию, город Фрунзе (ныне Бишкек), куда был приглашен на должность старшего методиста Республиканского Дома народного творчества.

В 1945 году А. Хамидов написал письмо Сталину. О чудовищной ошибке, допущенной в отношении его народа, о сотнях героев-чеченцах, с честью защищавших Родину на фронтах Великой Отечественной, о том, что каждый из них и сегодня готов доказать свою преданность и верность Отчизне. Ни о чем не просил, только один вопрос задал: можете ли Вы разрешить мне создать из числа спецпереселенцев – представителей кавказских народов – театрально-концертный коллектив, чтобы выступать для поддержки высокого морально-патриотического духа бойцов и тружеников тыла...

Это письмо с резолюцией «разрешить» само по себе было свершившимся чудом, но оно же дало возможность А. Хамидову организовать «Кавказский ансамбль песни и пляски». Со всех концов Казахстана и Киргизии собирал он талант-

ливых певцов, танцоров и музыкантов для своего интернационального коллектива. Оклеветанные, униженные, брошенные на произвол судьбы, едва выживающие в суровых условиях ссыльные не могли поверить, что им дан шанс громко заявить о своей культуре, петь на родном языке, в танце передавать нестигаемость их духа и боль тоски по родине. Чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы... Они объездили с концертами всю Киргизию и Казахстан и стали единомышленниками и товарищами, объединенными одной судьбой. И много лет спустя, встречаясь друг с другом в разных уголках Кавказа, они, как братья, крепко сжимали друг друга в объятиях и не стыдились набежавших слёз...

Через два года власть, усмотревшая в огромном успехе и популярности «Кавказского ансамбля» «идеологическую угрозу», расформировала его.

Возрождение «Вайнаха»

Жизнь в ссылке приучила Абдуллу Хамидова к потерям. Ограничения, пересуды, косые взгляды и даже открытая враждебность по отношению к спецпереселенцам были обычным делом. Закрытие «Кавказского ансамбля» стало неприятной, однако вполне ожидаемой новостью. Но Хамидов сдаваться не собирался. Отнюдь. Он уже строил планы покорения следующей мечты, когда в марте 1953 года умер Сталин. Общество спецпереселенцев кипело в ожидании устранения всех препонов на пути к земле отцов. Но еще невыносимо долгих четыре года чеченцам пришлось ждать разрешения на возвращение домой. Запрет на выезд немало смягчала отмена некоторых ограничений, действовавших в отношении ссыльных.

В 1955 году произошло еще одно важное событие: в Алма-Ате было принято решение издавать

газету «Къинхъегаман байракх» («Знамя труда»), в которой на русском, чеченском и ингушском языках рассказывалось о жизни переселенцев. Абдуллу Хамидова пригласили на должность журналиста в отдел культуры газеты. На её страницах он печатал произведения вайнахских писателей и поэтов, статьи о певцах, танцорах, музыкантах, художниках, артистах. И очень скоро о творческих людях бывшей Чечено-Ингушетии знал весь Казахстан. Одним из опубликованных в газете литературных сочинений стал рассказ А. Хамидова «Шапка Абубешара». Как покажет время, все произведения Хамидова были обречены на всенародную любовь.

В то же время он получил предложение от радиокомитета Казахстана возглавить вновь созданный чеченский отдел редакции. Вещание было скудным – всего два раза по 20 минут в неделю и 30-минутный выпуск по воскресеньям, но возможность выходить в эфир и представлять свой народ на республиканском радио дорогого стоила.

А. Хамидов взялся за работу с энтузиазмом. Ему хотелось в передачах как можно больше рассказывать о своих земляках, их достижениях в труде – на производстве и в сельском хозяйстве, о культуре и традициях, о родном языке, который они берегли как зеницу ока. Чеченцы, затаив дыхание, со слезами радости и с невыразимой благодарностью слушали его радиопередачи, а в тот день, когда известная казахская певица на чеченском языке исполнила песню на стихи А. Хамидова, их глаза светились гордостью...

Надо отметить, что у Абдуллы Хамидова была удивительная способность находить и вытаскивать на свет талантливых людей: он исколесил всю республику, расспрашивая жителей о местных знаменитостях, выискивал, уговаривал и привозил их отовсюду. Они не успевали опомниться, как уже сидели перед микрофоном в его радиостудии.

Год спустя А. Хамидов был приглашен в качестве литературного консультанта в Союз писателей Казахской ССР, а его театроведческие статьи

Артисты чеченского театра

стали регулярно выходить в газетах и журналах республики. Исследование пьес великих зарубежных и русских драматургов: «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Без вины виноватые» А. Островского, «Васса Железнова» М. Горького и других – были написаны ёмко, с глубоким знанием предмета, с тонким пониманием всех нюансов драматургического искусства.

...А в это время в Грозном шла невиданная по масштабам и трудностям исполнения работа по восстановлению Чечено-Ингушской республики, созданию её органов власти и условий для принятия возвращающихся из ссылки жителей.

...Январь 1957 года. Малика бежала навстречу дочери, возвращавшейся из школы. Платок сбился с головы. Слезы градом катились из глаз. Увидев дочь, она вскинула руки и закричала: «Ларида, дорогая моя. Только что сообщили: Чечено-Ингушская республика восстановлена. Скоро мы вернёмся на родину, на Кавказ!» Девочка, не помнившая и не знавшая ту родину, которой её лишили в младенчестве, но о которой с такой нежностью рассказывали все вокруг, подбросила в воздух портфель и залилась радостным смехом: «Урааа! Мы поедem домой!» Вечером, когда отец вернулся с работы, она впервые увидела на его лице счастливую улыбку.

Абдуллу Хамидова назначают председателем комитета по подготовке чечено-ингушского ансамбля песни и танца. Задача перед ним поставлена архисложная – собрать состав коллектива и подготовить его к концертной деятельности.

Стало очевидным, что артисты будущего «Вайнаха» одними из первых смогут вернуться в Грозный. И к штабу А. Хамидова началось настоящее паломничество сотен желающих записаться в ансамбль: всякий, кто умел петь, танцевать, играть

на народных музыкальных инструментах, умолял взять его в коллектив. Ажиотаж отнимал много нервов и времени, но и дал значительное преимущество Хамидову: огромный выбор претендентов позволил ему отобрать лучших.

Добирался ансамбль домой долго и трудно. На иных перегонах их вагоны часами и днями ждали следующего в нужном направлении состава. Но невозможно описать ту радость, которая плескалась в глазах едущих на родину, то волнение и нетерпение, которым был охвачен каждый из них...

Холодное лето 57-го года

Когда улеглось невероятное возбуждение от приезда в Грозный, А. Хамидов занялся устройством ансамбля. Оказалось, что для него нет не только репетиционного зала, но даже негде разместить прибывших. В нескольких местах, куда направили ансамбль – школы и сельские клубы – все было занято теми, кто приехал раньше. Помыкавшись туда-сюда, он договорился с директором Дворца культуры нефтяников, и тот дал приют артистам. Причем отвести ансамблю смог только спортивный зал: остальные помещения уже были заняты.

А. Хамидов оглядел зал, собрал своих помощников и приказал застелить пол соломой, оставив посередине дорожку для прохода. В двух раздевалках поселил многодетные семьи артистов, остальные разместились на соломенном полу: здесь же спали, ели, разучивали песни и придумывали танцы.

В малюсенькой комнатухе, служившей билетной кассой ДК, устроили семью директора ансамбля А. Хамидова. Но ему самому выпадали лишь редкие минуты отдыха: дни напролет он за-

нимался решением жилищной проблемы членов коллектива, поиском репетиционной площадки и места временной дислокации ансамбля. Ему удалось добыть для своих артистов участки земли под строительство индивидуальных жилых домов и ссуду для покупки стройматериалов.

Позже возрожденный коллектив получит репетиционную площадку и начнёт готовить свою первую концертную программу. Спустя годы «Вайнах» станет одним из ведущих танцевальных ансамблей Советского Союза и объездит с гастролями весь мир, представляя зрителям планеты культуру чеченского народа.

Возвращение в театр

Так всегда было в судьбе А. Хамидова: его «бросали» на самые тяжелые участки работы, чтобы сдвинуть с мёртвой точки неподъемную машину накопившихся проблем, наладить деятельность учреждения культуры, вывести его на высокий творческий уровень. В 1959 году за большие заслуги в деле развития национального искусства ему было присвоено звание народного артиста ЧИАССР.

Едва он поставил на ноги государственный ансамбль песни и танца, как министерство культуры обратилось к Хамидову с новым заданием: надо поднимать национальный театр и организовать деятельность Союза писателей ЧИАССР. Его назначают директором Чечено-Ингушского драматического театра имени Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова (это имя ему было присвоено в 1943 году в память о подвиге Х. Нурадилова, совершенном в битве за Сталинград). Помимо этого, на два года – с 1959 по 1961 годы – он становится председателем Союза писателей республики.

К тому времени вышел первый сборник произведений А. Хамидова, в который вошли его сатирические рассказы «Дурда и Дарга», «Похождения Гирмасолты», «Платье – туда, платье – сюда», «Экзамен» и одноактная пьеса «Абубешар». Между тем ему удалось завершить и начатую до выселения пьесу «Совдат и Дауд».

Театр его притягивает как магнит. Он самым активным образом помогает своим театральным коллегам в организации национальных студий в крупнейших театральных ВУЗах страны. Мало того, он лично ездит по всей республике, отбирая талантливых молодых людей для поступления на актерский, режиссёрский и театроведческий факультеты. При этом он и сам страстно мечтает завершить своё актерское образование, прерван-

А. Хамидов, А. Дениев

ное войной, и делает это экстерном, но уже не в ГИТИСе, а в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии, где ведёт курс по чеченскому языку и этике для студентов из ЧИАССР.

За эти годы на посту директора Абдулла Хамидович заложил творческий фундамент, который позже позволит чечено-ингушскому театру войти в десятку лучших национальных театров страны.

Ни дня без строчки

В огромном потоке дел, когда он успевал и по республике колесить, и решать проблемы театра, и преподавать, и репетировать, и много чего еще, Абдулла Хамидов, пусть урывками, но находил время для чтения и литературных трудов.

В квартире Хамидовых нередко можно было застать такую картину: Абдулла Хамидович уединился в своём кабинете и погружался с головой в чтение или в работу над своими произведениями; жена Малика наливала себе кружку чая и устраивалась на кухне с книгой, а дети – Ларида и Тамерлан – располагались в своей комнате и тоже читали... В доме наступала тишина. Это был привычный ритуал, из которого каждый из них выходил просветлённым: книги питали их умы и души.

Абдулла Хамидов не расставался со стихами. Его лирика была столь искренней, проникновенной, трогательной, наполненной такой неповторимой мелодикой и гармонией, что известные композиторы – У. Бексултанов, А. Халебский, З. Чергизбиев и другие – считали за честь написать к ним музыку. А затем в исполнении великолепных певцов – Султана Магомедова, Валида Дагаева, Мовлади Буркаева – эти песни становились тем, что сейчас называют «хиты»...

Глубокая лиричность, блестящее владение комедийным жанром и искусством психологически напряженной драмы – эти проявления его поэтического, писательского и драматургического таланта давали поистине потрясающие творческие плоды.

Его сатирические пьесы «Абубешар», «Безумный день Махсолты», сказка-фантазия для детей «Синекрылая птица», драма «Девушка с гор» (написанная в соавторстве с А. Алексеевым) с успехом шли на сцене чеченского национального театра.

Особое место в драматургии А. Хамидова занимают трагедия «Совдат и Дауд», героическая драма «Бессмертные» и комедия «Бож-Али».

Шекспировские страсти

Живут на окраине села в бедной сакле красавица Совдат и её отец. Она любит Дауда, который мечтает на ней жениться, но над ним висит бремя кровной мести. Богатый купец Умалт тоже не сводит глаз с Совдат, и когда её отец отклоняет его предложение, он решает оклеветать девушку и заодно избавиться от соперника: обвиняет их в тайных встречах, чтобы опорочить обоих. Схватенная Совдат предстаёт перед шариатским судом. Узнавший о случившемся Дауд освобождает её. Они бегут в горы, но тут Дауда настигают кровники. Они уже знают, что Совдат и Дауд ни в чем не виновны и прощают Дауду кровную месть.

Психологически очень тонкая, полная глубинных философских смыслов пьеса поднимала тему переосмысления рациональности и гуманности тех традиций, которые вступали в конфликт с принципами справедливости и добра.

Нескончаемая процессия людей, скорбно двигающихся вперёд с опущенными головами и суровыми лицами. Несколько молодых людей

В. Татаев, М. Эсамбаев, А. Хамидов

несут похоронные носилки, на которых лежит укутанный в саван человек. Он жив, но готов к смерти, потому что именно сейчас решается его судьба: когда-то отец Дауда случайно стал причиной гибели человека, и теперь род убитого требует от его сына ответить за пролитую отцом кровь...

Старинный чеченский обычай прощения кровника (это его в саване передавали роду убитого, чтобы старейшины решали – простить его, и тогда он навек становился их братом, или отомстить, и тогда кровник должен был безропотно принять смерть), пожалуй, впервые столь точно был переложён на сценический язык в драме «Совдат и Дауд». Зал замирал, внимая происходящему: величие и трагизм многовекового обряда оказывал сильнейшее эмоциональное воздействие на публику. Зрители, многие из которых и сами пережили подобное горе, не могли сдержать слёз...

Сам А. Хамидов признался как-то, что идея пьесы пришла к нему во время работы над переводом на чеченский язык шекспировского «Отелло»:

его задела за живое сцена, в которой Родриго и Яго вероломно обвиняют Отелло в похищении Дездемоны и подталкивают её отца Брабанцио к мести. Зло, порождающее вражду, ведущее дело к кровавой развязке – это была впечатляющая завязка для пьесы.

Почему эта сцена так взволновала А. Хамидова? Вероятно потому, что чеченское общество преследовала страшная драма – обычай кровной мести, которая иногда несколько поколений подряд висела дамокловым мечом над семьями кровников, унося сотни невинных жизней... И драматург решился на трудную, почти неподъёмную дискуссию о необходимости отбросить старые нормы жизни ради обретения нового пути. Тема была продиктована советскими реалиями, борьбой с так называемыми «пережитками прошлого». В этом столкновении эпох и идеологий терзаемый внутренними противоречиями народ безмолвствовал. И, даже сейчас, спустя полвека, чаши весов всё так же неумоли-

мо продолжают противостояние, застыв между полюсами Добра и Зла...

Но по-настоящему народной драма «Совдат и Дауд» стала благодаря удивительно лиричному, глубокому и насыщенному красками языку, которым она написана. В этом проявился несомненный талант А. Хамидова как писателя и драматурга.

Одна из первых исполнительниц роли Совдат заслуженная артистка РСФСР Зулейхан Багалова вспоминает: «У моей героини много монологов. Я и сегодня не устаю поражаться тому, как Абдулла Хамидов смог так глубоко, так точно выразить, понять, обнажить в своей пьесе душу женщины. «Когда вечером ветер колышет ветви, когда солнце прощается с небом, слова любви, которые он произнёс, стали кровью моей и разлились по моим венам», – говорит моя Совдат. Как Хамидов нашел слова, чтобы так точно передать состояние влюблённой девушки?! Это была какая-то магия!»

Автор пьесы уловил такие тонкие движения, такие мельчайшие нюансы человеческих переживаний, что играть эту роль было счастьем для артистов. Возникла совершенно необъяснимая и бесценная «химия» между драматургическим материалом и образами, которые рисовало слово Хамидова.

Актёры играли так вдохновенно, так убедительно произносили свои страстные монологи, что для публики личности персонажей и их исполнителей сливались воедино.

В спектакле есть сцена, где Совдат произносит обличительный монолог в адрес клеветников и восклицает в отчаянии: «Неужели здесь нет никого, чтобы защитить мою честь?!» И в этот момент из зала раздался голос: «Есть! Я иду, Совдат». На сцену выскочил высокий молодой человек с бритой головой и бросился на коварного Умалта (актёра Яраги Зубайраева). Но парня перехватили

и оттащили за кулисы артисты массовки. Уже после спектакля он с виноватым видом извинялся перед артистом и труппой: оказалось, это простой паренёк, которому на следующий день предстояло отправиться в армию, никогда прежде не бывавший в театре и глубоко проникшийся происходящей на сцене «несправедливостью». Актёры после часто шутили, вспоминая этот случай: вот она – сила высокого искусства, рождающего в сердцах зрителей столь благородные порывы...

Песнь о Ханпаше Нурадилове

Сбору материалов для будущей пьесы о подвиге Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова драматург посвятил много времени. Он искал свидетелей, сослуживцев Нурадилова, отправлял запросы в государственный архив и в министерство обороны – все для того, чтобы как можно достовернее и полнее рассказать историю 18-летнего пулемётчика, уничтожившего в боях под Сталинградом 920 фашистов и только после четырех представлений получившего высшую военную награду своей страны.

Пьеса «Бессмертные» А. Хамидова в 1967 году была отмечена второй премией и дипломом Первой степени Министерства культуры РСФСР.

Спустя два года она была поставлена на сцене национального драматического театра и восторженно принята зрителями. Драматург с тонким психологизмом нарисовал портреты вовсе не воинов-героев, а 18-19-летних мальчишек, которые со всем романтизмом, со всей страстью, свойственной юности, бросаются на защиту Родины от врага и смерть встречают с распахнутыми сердцами.

В 1971 году во время гастролей в Москве спектакль «Бессмертные» увидели жители и гости

столицы страны. Газета «Правда» отмечала: «В «Бессмертных» А.-Х. Хамидова оригинально и органично сочетаются эпизоды публицистические с игровыми сценами».

Воспевая любовь к Родине и героизм бойцов Великой Отечественной войны, пьеса Абдул-Хамида Хамидова бережно высвечивала живые, открытые, поражающие силой духа образы фронтовиков, трансформируя факт истории в летопись человеческих судеб и характеров, поднимая восприятие зрителя до высот глубоко личного сопереживания каждому персонажу. Не война, а человек на войне – эта тема, акцентированная в пьесе «Бессмертные», продолжила гуманистическую традицию в советской героико-патриотической драматургии.

«Падение Бож-Али», или Бессмертная комедия

Из-под пера А. Хамидова выходили удивительно яркие, живые, безумно смешные юмористические рассказы и сатирические пьесы. Весь накопленный им с детства багаж родного фольклора, истинно народного юмора, искусства, точно бьющей в цель шутки, остроумных разговорных пикировок он превращал в уморительные диалоги и комедию положений.

Хамидов и в жизни был великим остроловом. Постороннему было трудно в это поверить: казалось, этот солидный, строгий, вечно занятой человек просто не умеет улыбаться. Но его остроты и шутки, произнесенные с серьёзным выражением лица, неизменно вызывали хохот и уходили, что называется, «в народ»: их пересказывали, они становились крылатыми и начинали жить собственной жизнью.

Это случилось и с комедией А. Хамидова «Падение Бож-Али», над которой он работал пять

лет. Пьеса покорила сердца несколько поколений театральных зрителей: 300 аншлагов за год! Пожалуй, нет в истории Чеченского театра спектакля, который пользовался бы большей любовью зрителей, чем этот!

Заслуженный деятель искусств РФ, народный артист России, главный режиссёр ЧГДТ им. Х. Нурадилова Руслан Хакишев рассказывает в своей «Книге о моём театре»: «Однажды в сентябре 1963 года мы, артисты театра, поздно ночью возвращаясь с выездного спектакля, подъехали к зданию театра. В кабинете директора Абдуллы Хамидова горел свет. Из открытого окна доносился смех: он читал наброски пьесы «Бож-Али» своим давним друзьям – Муслиму Гайрабекову, председателю Совета Министров республики, и Вахе Татаеву, министру культуры ЧИАССР. Заметив, что мы невольно становимся слушателями, Абдулла Хамидович стал читать в лицах громким, сочным голосом. Удивляла и смешила образная речь каждого персонажа. Наш громкий смех привлёк внимание милиционеров, подошли таксисты... Общий хохот, подхваченный эхом спящего города, предвещал успех будущей комедии».

В основе сюжета лежала незамысловатая история: далёкий от идеала строителя коммунизма Бож-Али любит выпить, погулять, на вечеринках потанцевать, а вот его жена Зулай – знатная доярка и образец советской женщины. Конфликт обозначен четко и ясно с самого начала – борьба отжившей старой морали и новой крепнущей идеологии.

В совхозе строят светлое социалистическое будущее – Зулай, её коллеги-доярки, бригадиры и механики на ферме. У них соцсоревнование, рекорды по надоям, перевыполнение плана – жизнь бурлит. А в «лагере» Бож-Али все те, кто честно трудиться не хочет, гоняется за лёгкой наживой и

морочат Бож-Али голову, внушая, что мужчина всегда прав, он хозяин в доме и должен делать всё, чего пожелает – мелкий спекулянт Сутарби, заносчивый дядюшка Абубешар и старая знахарка Майма.

Целый каскад невероятно смешных ситуаций, в которые попадает Бож-Али из-за попыток играть роль «настоящего мужчины», выстраивается в яркое, живописное, сияющее всеми красками и переливами народного юмора, шуток, пословиц, песен полотно.

Превосходное владение автором словом, глубинное знание им сельского уклада жизни, психологии чеченцев, обычаев и традиций своего народа обеспечили пьесе колоссальную популярность. Каждая реплика, звучавшая со сцены, была словно ограненный алмаз: настолько метким, образным, афористичным языком была написана пьеса.

Впервые комедию «Падение Бож-Али» зрители увидели 1 мая 1965 года (режиссёр – Пётр Харлип). В первом составе главные роли играли Муталип Давлетмирзаев (Бож-Али), Тамара Алиева (Зулай), Альви Дениев (Сутарби), Асет Исаева (Майма).

После «Бож-Али» имена всех персонажей стали нарицательными. К артистам этого и следующих составов неизбежно «прилипали» сыгранные ими образы, и в народе их только так и звали.

На показах комедии в театре творилось нечто невообразимое: толпы желающих попасть на спектакль осаждали кассы, на подступах к входу образовывалась давка. В зрительном зале яблоку было негде упасть, люди стояли в проходах, сидели на полу у самой авансены, а автор пьесы и директор театра Абдулла Хамидов вынужден был убежать из здания, чтобы не обижать отказом многочисленных знакомых, умолявших провести их на спектакль.

Рассказывают, что во время гастролей по республике председатели сельских советов упрашивали актёров сыграть на уличной импровизированной площадке, боясь, что зрители разнесут Дом культуры или сельский клуб в щепки.

Успех «Бож-Али» был таким ошеломляющим, что слава о новой постановке Чеченского драматического театра разлетелась по всей стране и за границы СССР. Пьеса была переведена на турецкий, арабский и другие языки и поставлена в Турции, Иордании, Сирии, Татарстане, Башкирии, во всех республиках Северного Кавказа... В журнале «Театр» рецензия на спектакль начиналась словами: «Мы присутствовали при рождении национальной классики».

А. Хамидов собирался написать продолжение этой пьесы. Не успел...

«Бож-Али» шел с аншлагами 54 года! Только летом 2019 года труппа простилась со спектаклем, составившем славу Чеченского государственного драматического театра имени Ханпаши Нурадилова.

Тот самый день...

За год до своей гибели А. Хамидов ушел из театра. Он почувствовал, что мир вокруг него меняется, что искусство вынуждено отступать под натиском энергичного прагматизма. Он не хотел видеть этого. И сам попросил перевести его на другую работу.

С поста директора национального театра республики он ушел в Дом народного творчества, и слово «творчество» было определяющим в его решении. Это то, чем он хотел заниматься...

В феврале 1969 года А. Хамидова назначили заведующим отделом культуры Чечено-Ингушского обкома КПСС. Новость была неожиданной даже

для семьи. На вопрос дочери: «Это правда, папа?» он ответил: «Ларида, я согласился, подумав, сколько важного я сумею сделать на этом посту. Знаешь, какая у меня мечта? Вырастить новое поколение чеченской интеллигенции – умных, образованных, честных людей, которые поднимут нашу культуру на невиданную высоту!» В его глазах светилась неукротимая вера в то, о чем он говорил. Несомненно, он воплотил бы в жизнь и эту свою мечту...

...В тот воскресный день – 6 июля 1969 года – что-то странное происходило с погодой: то небо затягивали плотные тучи, то раскаты грома и блеск молний пронзали вязкий воздух, то дождь проливной обрушивался на землю, а то вдруг солнце выглядывало. А. Хамидов собирался в Шатой, чтобы на месте решить вопросы, связанные с проблемами районного отдела культуры. Но в такую погоду ехать в горы было опасно. И он решил съездить к отцу в свое село Старые Атаги, которое находится недалеко от Грозного. Отец и сын начали там строить свой дом. Абдулла Хамидов мечтал о нём давно, но трудно было найти время для столь важного дела, как строительство родового гнезда. А тут такая возможность выпала...

Он осмотрел участок, на котором уже возвели фундамент, прикинул, какие стройматериалы нужно завезти, и, разговаривая со своим подошедшим дядей, медленно двинулся по улице. Они остановились, когда увидели вдалеке сельское кладбище. По другую сторону дороги лежал прекрасный зелёный луг. Абдулла Хамидов указал на него и произнёс: «Какое красивое место! Вот здесь меня и похороните».

Через десять минут в машину, в которой он ехал, на полном ходу врезался чужой автомобиль. А.Хамидов погиб на месте.

...В дни похорон не иссякал поток людей, пришедших выразить свои соболезнования родным писателя. Казалось, вся республика, весь Кавказ стоит в этом скорбном строю. Друг А. Хамидова, известный чеченский журналист Руслан Нашхоев, прощаясь после похорон с Маликой и её детьми, сказал: «Неудивительно, что сегодня и ваш дом, и вся улица заполнены скорбящими. Не только вы потеряли отца: отца потерял весь чеченский народ».

Есть в нашем обществе такое понятие – «зиярт». Оно означает паломничество к святым местам, где покоятся святые, шейхи, имамы – великие духовные учителя народа, пользующиеся огромным уважением и преклонением потомков. Однажды к Хумиду, отцу Абдуллы Хамидова, пришел старец. Видно было, что он проделал долгий и тяжелый для его почтенного возраста путь. Усадив старика, Хумид спросил, что привело того в его дом. И старик ответил: «Я не знал твоего сына. Но о его гибели мне рассказал мой внук, который учится в институте в городе. Он приехал в горы проведать меня и был так опечален и так искренне горевал по твоему сыну, что я спросил у него, кто же такой этот Абдулла, сын Хумида. И внук ответил, что он был самым нравственным, добрым и полезным для своего народа человеком, каких он знал. И я счел, что выразить соболезнование отцу, воспитавшему такого сына, всё равно, что совершить зиярт...»

Хумид поблагодарил старика. Оба погрузились в раздумья. В комнате повисла глухая, подрагивающая от сдерживаемых рыданий, солёная на вкус тишина...

P.S. Благодарю за помощь в подготовке материала Лариду Абдул-Хамидовну Хамидову, дочь писателя.

Руслан ХАДЧУКАЕВ

Родился в г. Гудермес Чечено-Ингушской АССР. Окончил университет в городе Ярославле (физический факультет, 2005), там же закончил аспирантуру. С 2011 года работает в ЧГУ старшим преподавателем на кафедре теоретической физики. Стихи пишет со студенческих лет, участвовал в поэтическом конкурсе «Логорифмы», проводившемся при Ярославском университете. Иногда публикует стихи на страницах своего ЖЖ в Интернете. Участник литературных форумов молодых писателей и поэтов Северного Кавказа, проводимых ежегодно под эгидой Фонда Сергея Филатова. В журнале «Вайнах» публикуется с 2014 года (№ 5).

ВОЗРОДИСЬ, ЧЕЛОВЕК...

Поэзия есть осознание своей правоты
теми, кто дышит
во имя нелепой мечты,
даже если слова порождаются кожей –
все это ложь, удесятеренная
искусством дрожи.

Пусть бессмысленность слов,
как зиянье пустых оправ,
стих – это способ лжеца убедить
себя, что он прав,
даже если изложенное,
вроде бы, и не ложь,
то, тем не менее, и не правда тоже.

На окнах мимо мчащихся домов
с огромной скоростью
оранжевый закат
перетекает из стекла в стекло,
на окнах мимо едущих домой
закат играет свой предсмертный бой

и, обращен его простой игрой,
свет прорывается
скрежещущей иглой
в виниловый хаос мерцаний тьмы,
сбивающий бесцельно фокус глаз,
но километры не отпустят нас.

ИЛИ О ВОУВ*

Побуждает мелькание снов
строить башни из каменных слов.
Собираются главы родов
вспомнить древнее ремесло.

Трижды землю поить молоком,
и, как только откажется пить,
рвя копыта, двенадцать быков
тащат камни для рифм и углов.

Жженой известью зодчий воув
заточает слова в монолит.
По молочному небу листов
вниз идут этажи серых строф.

* Воув (бЮв) – боевая башня.

Сердце умершего знает
солнце ночью где блуждает,
И куда уходит память
сердце умершего знает.

Время – это просто наледь,
что могилу покрывает,
где в потоках магмы память
мертвым солнцем догорает.

Сердце высохшего знает:
письма прошлого – пергамент.
Шкурка мертвого ягненка
ничего не забывает.

МАТЬ СЫРА САБОТАЖ

Погружаю лопату в грунт,
продавив насилиу.
Каждый штык углубляет грусть,
как ступень в могилу.

Сыро дышит земляной зев,
отдых обещая,
останавливаться нельзя,
стыну без рытья я.

Что ж так в землю меня манит,
в почву влечет?
Чем так мил мне могил вид,
дать бы отчет.

Может, сгину под землю жить –
вот живет крот.
Надо только набраться лжи
и закрыть рот.

Жадный зверек,
ты глядишь на приманку
во все глаза
и, заслышав манок,
быстро мелькая лапками,
ты бежишь со всех ног
ничего не видя вокруг,
вытаращив глаза
ты устремляешься к миру.

Милый зверек,
для чего ты живешь?
Ведь, вдохнуть не успев,
ты – на выдох – умрешь,
и ведь ты никогда
ничего не поймешь,
глупый зверек,
для чего ты живешь?

ПЕС-БОМЖ

Предназначен вниманию диких
растений безумный галоп
и размашистый лай,
помечает периметр удельных
владений гроза пустырей
и лохматый джедай.

Устрашают врагов и сметают клещей
боевые знамена остистых ушей.

Благодатных помоек варвар и тиран,
обладая предельными тайнами мира,
глядит на зверей, изобретших капкан,
населивших белковою
жизнью квартиры.

О, не беги, мой друг, так скоро
о стену вдаривать glavой –
вознесшись ею непокорно,
лишь боль сулит обычай твой.

Ты содержишь в себе половины,
что у всех существуют вразброс.
возродись, человек возрожденья,
я нуждаюсь в таком universe*.

Ты ли вылетала в окно
ласточкиным веретеном,
Жгучим ветром влекла
не ты ль
в кудри гроз водяную пыль?
Голос тихий, как сон ручья,
ранит звоном хрустальных чар.
Павший лист стелет дно пруда,
как твой взгляд та темна вода.

ДЕКЛАРАЦИЯ

При общении с высшей инстанцией
Не нужны телефоны и рация.
Мне и вам – всем, и импровизацией
Прогоню состоянье протрации.

И не надо ни йода, ни кальция.
Элементы стихии и нации,
Мир и майя как галлюцинация
Растворяются в импровизации.

Сквозь фонтаны цветов и овации,
В оригами сложив облигации,
Я спешу подписать декларацию –
Право граждан на импровизацию.

* Universe (анг.) – Вселенная, мироздание, космос.

В глубине, под кожей и мясом
пребывают белые кости.
Мое мясо нередко невесело,
только кости всегда оптимисты.
мой скелет никуда не спешит –
плоть сгниет, а каркас будет жить,
и под грустною кожей лица
добрый череп всегда улыбается.

С западка на восток
распластался мирок –
здесь царят сон и мрак
каждый гожий денек.
Сверху вниз – мой полет –
пропитаю песок,
удобреньям пустынь
невдомек рагнарек.

я читатель читатель читатель
мне читать бы читать бы читать бы
я читаю читаю читаю
но лишь строго бумажные книжки
я читаю бумажные книжки
их мясными руками листаю
чакпаланика предпочитаю
книжки трогать и нюхать люблю я
ах бумажные вы мои тельца
мои нежные рукотрепальца
я бумажными вами обставляюсь
от унылого мира закроюсь
и я знаю что горе бывает
от ума и от энциклопедий
от компьютеров и википедий
и от нудных училкиных штудий
я же личность а личность не терпит
чтоб учили ее и лечили
я сюжетов хочу а не знаний

обезличенных аналитичных
я хочу персонажей и фабул
нарративов и интертекстивов
в мозаичность хочу погружаться
чтобы в целом картины не видеть
потому что картина убога
потому что картина ужасна
потому что художник жестокий
потому что художника нет
вот поэтому я и читаю
я читаю бумажные книжки
ведь бумажные книжки так милы
так хрупки и горят так красиво

в высохшее море
впадает сухое русло
просторы пустого сердца
приют твоему искусству
в трещинах бывшего дна
разбитого на черепки
как нерукотворный пазл
последние головастики
находят мокрую грязь

Неуклонно и нагло нагая Луна
к телу бледному тянет раздавленный мир
и, безмолвно-холодным безумьем полна,
начинает теней ослепляющий пир.

Ты не слушай ее молчаливых речей
и не смей озирать ее проклятый круг,
не испытывай тяжесть свинцовых лучей –
но избегни объятий серебряных рук.

В вечной ночи она тщится Землю догнать,
но танцует кругом в ледяной пустоте –
эта резь тишины, что любому слышна,
это крик, что застыл на лице в высоте.

Запах звука дышит в уши –
как комфортно мне и сухо
шум песка речного слушать,
где смерть мира песчинка каждая,
что друг друга касаются глухо,
и времени тяга струится, влажная.

Находиться в одной комнате –
Полутемной, полупустой,
полузатененной,
освещенной, быть может, отсветом
из-за двери в коридор
в комнате, где можно
поворачиваться на месте
или переходить в другое,
перебираться с одного
на другой предмет
мебели
или другое место
на плоскости.
Можно сидеть близко
или отодвигаться,
уменьшаясь в размерах
и становясь бесшумней,
сидеть, подобрав ноги,
глядя на руки другого,
отодвигаться дальше,
туда, где тень
кутает
туловище и голову,
полулежать, опираясь
на мягкое в неосвещенном углу,
глядя на отсветы на
незастеленном полу –
отсветы, брошенные
из-за двери коридора.

Не все, что здесь – то же, что раньше.
Мы – после тех, кто был раньше –
тогда, когда не было нас.
Это было не то, что щас.
Не все, что здесь – то же, что будет.
Они – после тех, кто сейчас –
тогда, когда нас не будет.
То будет не так, как щас.
Он тот, кто не до и не после,
он там, где их нет и нет нас –
тогда, когда всех не будет.
Это
тот,
кто...

Мы – осколки Шалтая.
Всяк кричит: «Я!» – истерично,
что он самый главный, болтая.
Будет и конница, будет и рать.
Бесконечно, безуспешно
собирать черепки, собирать...
Что ни те, ни другие, ни третьи не знают.
Мнящий себя осколком, знай:
все, что было всегда, есть и будет –
это лишь Нерушимый Шалтай.

Будь стрелой, но не чтоб поражать –
чтобы прямо лететь.
Будь прямой тетивой, но не чтобы стрелять –
чтоб натянутой быть, как струна.
Будь струной, но не так, чтоб звенеть –
а чтобы молчать.
Будь тишиной, но не той, что смерть –
той, что – начало.

Лири

Элина ДОХШУКАЕВА

Родилась в 1974 году. Уроженка с. Сержень-Юрт. По ее словам, любит «всё, что так или иначе связано с поэзией». Пишет с детства, публикуется с 2006 года в республиканских журналах «Нана» и «Вайнах» (под девичьей фамилией Сайдулаева). Также были публикации в газетах «Грозненский рабочий», «Вести республики». В 2016 году заняла призовое место в республиканском литературно-художественном конкурсе «Учитель, пред именем твоим» в номинации «Поэзия». Имеет два высших образования. О своем увлечении говорит так: «Вкладываю душу в любимое дело. Хотелось бы, чтобы читатель испытывал неподдельные эмоции и восторг,

знакомясь с моим творчеством. В лице лирического героя каждый находил бы частичку себя. И чтобы приятные ощущения оставались бы с ним надолго. От души надеюсь найти живой отклик в сердцах читателей. И большая просьба – не всегда отождествлять лирического героя с автором».

СТИХИ В ПОЭТЕ

Нет ничего на белом свете,
Чего нельзя сказать в Стихах.
Печаль и радость, боль и страх
Ложатся под перо Поэта.
Все чувства, все переживанья
Передает Поэт Стихами.
И чуткие воспоминанья
Стихи хранят в себе веками.
Они ему как верный друг.
Когда никто не понимает,
Стихи так искренне поймут!
Не предадут и не обманут.
Поэт им душу раскрывает
И мысли все начистоту.
Плеснет в них красок новизну.
И радугой всё засияет.
Стихи с Поэтом вместе плачут,
Стихи смеются вместе с ним.
Становятся они одним

Единым целым, не иначе!
Они идут в обнимку рядом,
Сливаясь мыслями и взглядом.
И неразлучней нет на свете –
Поэт в Стихах!
Стихи в Поэте!

ВЗАИМНОСТЬ

Вас заставить влюбиться
и дарить взаимность –
дар не у многих.
Окрылить, чтобы птицей
бороздить небеса –
милость от Бога.

Ведь в руках виртуоза
волшебными плачет
звуками скрипка.
Не хотелось бы верить

или считать, что мы
были ошибкой.

Выяснить не пытаюсь,
невозможно понять,
что же со мною.

И молчать продолжаю,
как безмолвный актер
фильма немого.

Продолжаешь мне сниться.

Но явь отрезвляет, –
не было чуда.

Раз в руках нет синицы,
журавля в небесах
тоже не будет.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Научилась быть сильной.

Но ряд достижений
всегда обнуляется.
Даже сильная ветка
под тяжестью снега,
бывает, ломается.

Не искала спины, не
старалась за нею
бежать и прятаться.
Не тянулась слезливо
ко всякой жилетке,
припав, поплакаться.

Разбиваясь об айсберг
замерзших желаний,
кругами носилась.
Снаряжалась на битву,
себе удивляясь:
откуда же силы?!

В сумасшедшей схватке
на жизнь или на смерть
сражаюсь я снова.
Только львиная хватка
и гибкость пантеры –
так дорого стоят!

Говорят же веками
о том, что один-то –
он в поле не воин.
Может, только за храбрость
и смелость свою он
награды достоин.

Вновь проиграна битва.
И все же война не
проиграна мною.
Mais toujours à la guerre
comme à la guerre*...
Готовимся к бою!

У ЛЮБВИ СВОИ ЗАКОНЫ

Все говорят, любовь слепа...
И зла, быть может, кто-то скажет,
И вспомнит, может, про козла,
С которым часто рифму вяжут.

Любовь не вечна, говорят.
То, говорят, не существует.
«Обет безбрачия» хранят.
А кто-то за любовь воюет.

Кому-то нужно от любви
Безумных фраз и эдельвейсов.
И чтоб до гробовой доски
Не сметь сойти с привычных рельсов.

*Mais toujours à la guerre comme à la guerre (франц.) – Но всегда на войне, как на войне.

Но в жизни всё, увы, не так.
И у любви свои законы.
Влюбляешься же, как дурак,
В тех, чья любовь гроша не стоит.
Любовь жестока... не права...
Несправедлива и коварна...
Но, как любовь ни проклинай,
Для сапога бесценна пара.

ОДА ЖЕНЩИНЕ

Великолепное всё с женщиной сравнимо:
Весна и музыка, букеты алых роз.
Очарование ее неповторимо,
Она светла, как воплощенье тайных грез.

Сиянье Северное часто ей подобно,
Подобна в небе ей Полярная звезда.
Глаза небесные – два омота бездонных.
И льются речи, как журчанье родника.

Она пылает, как восход на небосклоне,
Или сияет, как в горах хмельной закат.
Как во Вселенной скрыты дальние просторы,
Так мир в душе ее таинственно богат.

Прекрасна женщина в любое время года,
Ее не тронут ни морщины, ни года.
Харизма женщины, что любит и любима,
Всевышним посланный безумно щедрый дар.

ПТИЦА БЕЗ КРЫЛА

Один как жизнь. И в этом суть.
И это вся твоя планета.
Стремясь отчаянно заснуть,
Считаешь звезды до рассвета.

А утром – зеркалу: «Привет».
Улыбку натянув и джинсы,
(Ключи – в карман) выходишь в свет
Навстречу бесприютной жизни.

Всем телом фарт* изобразив,
Улыбку стягивая туже,
Весь день вынашиваешь вид,
Как будто бы никто не нужен.

Но снова день сменяет мгла...
В их тускло-серой веренице
Ты кружишь птицей без крыла.
Верней сказать – крылом без птицы.

ПОДСНЕЖНИКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Мои любимые подснежники!
Я сердцем крепко с ними связана.
В них столько чистоты и нежности!
Им слишком многим я обязана!

Весны счастливые мгновения,
Как сладкий сон, незабываемы.
Как к волшебству прикосновение,
Дорога к тайнам мироздания.

Цветы изящно белоснежные,
С любовью детской что подарены,
Признаньем искренним и ревностным
Так руки обжигали сладостно!

И через три десятилетия
Опять подснежники из прошлого
Держу в руках, как наваждение,
А чувства снегом запорошены.

* Фарт (жарг.) – счастье, удача, везение; риск.

ТИШИНА

Тишина, ты меня пугаешь.
 Ты засмейся или заплачь.
 Где родные мои все люди?
 Где из детства мой резвый скач?
 Где зов папы: «Час просыпаться!»
 Голос мамы: «Пора вставать!»
 Тишина, ты меня пугаешь.
 Ну, засмейся или заплачь.
 Не доносится смех подружек,
 Не слышна суета друзей.
 Где осталась гора игрушек
 В той далекой детской моей?!
 Тишина, лишь беду ты прочишь,
 Сколько грусти в тебе, тоски.
 И о чем у тебя ни спросишь,
 Молчаливый ответ один.
 Тишина, ты меня пугаешь,
 Ты засмейся или заплачь.
 Ты плохой собеседник, знаешь,
 Ты безмолвный души палач.
 Убиваешь в ней все живое,
 Заглушаешь пение птиц.
 И не важно, смеяся ли, плача,
 Помоги мне вернуться в жизнь!

НЕ ПОДРУГА

Знаю, память давно не подруга.
 Мы не ладим с ней много лет.
 Не жалеем уже друг друга.
 Не беседуем tête à tête*.

Я давно перестала верить
 В то, что алый всегда рассвет.
 В то, что ночи сменяет утро,
 Что с закатами меркнет свет.

* Tête à tête (франц.) – один на один..

Не пытаюсь забыть. Невозможно.
 Это выше естественных сил.
 Вспоминаю тебя осторожно,
 Хоть об этом ты не просил.

Больно вывернуть наизнанку
 Тонкой нитью заштопанный мир,
 Где укрылись под прошлого шалью
 Обреченные чувства мои.

Знаю, память уже не подруга,
 Раз тебя в моей жизни нет,
 А душа колесит по кругу
 Той тропой, где оставил ты след.

ЧТО НАЗЫВАЮТ СЧАСТЬЕМ...

Несбыточными кажутся мечты.
 Загадывая, ищем звездопада,
 Ну, хоть одной сорвавшейся звезды.
 Чтоб быть счастливым, разве много надо!
 Не ожидай падения звезды.
 Живи и думай только о прекрасном.
 Ты будь собой. Надейся и люби.
 И ты поймешь,
 Что
 называют
 счастьем!

ДЕТСТВО

День рождения и торт.
 Свечку задуваешь.
 Только сам задуть не смог.
 В годик так бывает!

День рожденья. Две свечи.
 Задуваешь сам их.
 Глазки радости полны.
 Взрослым скоро станешь.

Три... Четыре... Вот и пять –
Жизнь перемолола –
Только успевай считать.
Детский сад и школа...

Вот и юность на носу.
Можно бы влюбиться –
Так, по-детски поиграть...
Рано ведь жениться.

Школа где-то позади.
Ты студент отличный.
Все прекрасно у тебя
И на «фронте личном».

Привлекают иногда
Детские качели.
Только детство далеко
Унесли метели.

Получил диплом уже.
Классная работа!
Но на велике гонять
Иногда охота.

Смотришь детские фото
Ты свои несмело.

Детство вовсе не прошло –
Детство повзрослело.

Есть доход. Уже семья:
И жена, и детки.
Редко балуешь себя
С фантиком конфеткой.

Водишь ты уже детей
В садик, в школу, в парки...
Не твое уже фото
Смотрит с аватарки.

Жаль, до детства не доплыть.
Жизни карусели
Закружили так, что быть
В детстве не успели.

День рождения опять.
Гости и внучата.

Трудно свечи задувать –
Сразу шестьдесят-то.

Счастье! Счастье – вот оно!
Вновь душа запела!

А ведь детство не прошло -
Просто поседело.

Театральный сезон

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА

ЧЕХОВ НА СЦЕНЕ ЧЕЧЕНСКОГО ТЕАТРА

23 января на сцене Чеченского национального драматического театра им. Х. Нурадилова (художественный руководитель-директор – Хава Ахмадова) сам Антон Павлович Чехов (актер Мовсар Атаев) представил своих персонажей, для которых не существует ни времени, ни пространства, потому что пороки, которые линчует «смехом сквозь слезы» автор, к сожалению, не только не искоренены, но и прекрасно себя чувствуют в современных условиях. Оригинальная постановка молодого талантливого режиссера Рамзана Умаева в мастерском переводе Абу Исмаилова, объединившего несколько феерических рассказов и маленьких пьес в одну комедию, звучит актуально, а герои Чехова в костюмах и с прическами из разных эпох (фраки из XIX века и пиджаки с галстуками из века XX, букли

дам позапрошлого века и вполне современное каре – знак вневременного характера изображаемого) выглядели живо и без всякого налета классического нафталина, ведь мы встречаем их каждый день в различных учреждениях, живем с ними по соседству, а порой и сами являемся их близнецами.

Наблюдая, как в калейдоскопе, сцены «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Трагик поневоле», «Письмо», «Унтер Пришибеев», «Хирургия», «Хамелеон», связанные общей темой хамелеонства, зритель заливался благодарным смехом, узнавая в персонажах социальные типы, окружающие его по сей день, что впору было Чехову совсем по-гоголевски крикнуть со сцены с горькой усмешкой: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!»

Искрометный по содержанию, безупречный по форме гипергротеск соединился с точной правдой переживаний, требующих от актеров больших творческих усилий. Задача для творческого коллектива нешуточная: органично суще-

ствовать в трагикомической стихии, заставить зрителя не только смеяться, но и задуматься о смысле жизни, увидеть нашу действительность в театральном зеркале. Кстати, реальное зеркало на сцене тоже было: дверь, за которой периодически скрывались герои, как бы намекала, что все мы – и актеры, и зрители – живем в этом Зазеркалье, и грань, отделяющая нас от чеховской фантазии, очень тонка.

В спектакле сошлось все: режиссерские находки, блистательная игра актеров, удачная сценография, фортепианная музыка, работа художника. Нетленные книги Чехова в центре стали частью подмостков, на которых развернулось действие. Герои Антона Павловича словно только что сошли со страниц этих произведений. И огромное перо справа, и письменный стол – слева – все это создавало иллюзию того, что мы не просто зрители спектакля, а читатели с богатым воображением, которые вдруг оказались по ту сторону художественного мира, в параллельной реальности, и уже не можем понять, где правда, а где вымысел.

Бибулатов Юсуп в роли И. Д. Червякова, извиняющийся перед генералом Брижжаловым за произвольный чих в театре («Смерть чиновника»), очень метко и мимикой, и пластикой,

и голосом передал психологию добровольного холопства, рабского унижения, не оставив места для сочувствия «маленькому человеку», который потерял человеческое достоинство и ощущает себя настолько мелким перед вышестоящей персоной. Червяков сам ложится в гроб (браво режиссеру!), что символизирует не столько физическую, сколько нравственную смерть, и роза, которую опускает в этот атласный ящик Чехов, – маленькая деталь большого фарса, еще раз обращающая внимание на глупость и пошлость обывательской жизни, в которой нет места самоуважению.

Глупость, хвастовство, непрофессионализм, чинопочитание сумел воплотить и Апти Султуханов в роли фельдшера Курятинина. Интонации актера точно выразили его отношение к людям: о помещике он говорит

подобострастно, а к пациенту-дьячку обращается с пренебрежением. В спектакле не было ничего лишнего, все по-чеховски: «Если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно должно выстрелить». Фартук на Курятине, забрызганный кровью, подчеркивал созданный актером характер невежды и грубияна – о таких «хирургах» в народе говорят «мясник». Но и дьячок Вонмигласов (Хасанов Тимир-Булат) такой же «хамелеон», хоть и пострадавший. Его напускное смирение, воплощенное в сгорбленной тщедушной фигурке с жалостливым голоском, вызывающим сострадание, дискредитировала отборная брань в адрес горе-зубника.

Самодур, деспот и глупец Унтер Пришибеев в исполнении Ризвана Халикова весьма

убедительно продемонстрировал суть русской поговорки: «Заставь дурака молиться – он и лоб расшибет».

Апофеозом комедии стала сцена «Хамелеон», в которой судебная система предстала во всей «красе»: здесь нет места справедливости. Приспособленчество и стремление угодить «сильным мира сего», подхалимство наглядно изобразили Мунаев Бай-Али (пристав Очумелов) и Хатуев Дени (Елдырин).

Надо отдать должное режиссеру, который, наряду с произведениями, высмеивающими деформацию психологии человека под влиянием общественно-социальных отношений, представил в пьесе и «картины семейного счастья» самых обыкновенных, ничем не примечательных людей. Амран Джамаев в

роли Павла Ивановича Выходцева, изображая «порядочного семьянина», блистательно воплотил идею: «Седина в бороду – бес в ребро» и показал своей игрой, что делает соблазн с человеком. Получился очень пластичный, легкий, динамичный образ, вызвавший искренний восторг публики.

Невозможно не отметить и актерскую работу Али Алиева – «трагика поневоле». Наверное, каждый сидящий в зале узнал в этом об-

разе заезженного бытом и обстоятельствами «главу» семейства. Седло на спине Толкачева, веревка на шее и обмотанные ею жена, друзья и соседи, которых он «тащит» по жизни, под стать тонкому чеховскому юмору, дополнили портрет обывателя, уставшего от нош, взваливаемых на него всеми кому ни лень. Как уже было сказано, все создатели спектакля потрудились на славу, и каждая деталь: костюм ли, прическа, элементы бутафории – помогали актерам более глубоко раскрыть авторский и режиссерский замысел, подчеркивали психологические характеристики действующих лиц. Даже огромная маникюрная пилка, которой супруга Толкачева (актриса Зухра Масарова) неистово подравнивала свои «коготки», отдавая шустрые распоряжения мужу, была не просто говорящим предметом, она «кричала» о том, как это выглядит и к чему приводит ситуация, когда жена ежесекундно «пилит» свою вторую половину – это, своего рода, гиперболизированная метафора бездуховного быта. Ну и, бесспорно, артисты второго плана внесли необходимую лепту в создание атмосферы гротеска и водевиля.

Юмор и сарказм А. П. Чехова – врача-человеческих душ – умело воплощен в спектакле Чеченского национального драматического театра под руководством Хавы Ахмадовой. Надо сказать, это очень трудная задача – работать с классикой, она всегда сопряжена с риском не дотянуть до определенной планки, заданной самим произведением, важно также создать нечто нетривиальное, не повториться... Премьерный спектакль «Хамелеон» режиссера Рамзана Умаева еще раз продемонстрировал чувство вкуса этого творческого коллектива и умение решать самые сложные художественные задачи в современном театральном контексте.

СВЕКРОВЬ И ШЕСТЕРО СНОХ

6 февраля довелось побывать на спектакле «Свекровь и шестеро снох», который с успехом идет на сцене Чеченского драматического театра им. Х. Нурадилова под руководством Хавы Ахмадовой.

Комедийный жанр пользуется особой популярностью у чеченских театралов, ведь хорошее чувство юмора, смею утверждать, одна из ментальных черт нашего национального характера. И неудивительно, в самых сложных исторических перипетиях склонность к шуткам и пересмеиваниям даже трагических ситуаций спасала этнос от уныния и служила своего рода психореабилитирующим фактором. Этим отчасти можно объяснить бурную эмоциональную

реакцию зрителей на реплики персонажей и повороты сюжета. Но не только...

Режиссером и сценографом «Свекрови» является мэтр чеченского драматического искусства, не нуждающийся в представлении – Руслан Хакишев. У мастера, конечно, не могло быть иначе.

Выбор материала далеко не случаен: взаимоотношения свекрови и снохи в чеченской семье стали притчей во языцех. В чеченском языке множество пословиц и анекдотов о вездесущей, властной, сварливой свекрови и бесправной невестке. Кроме того, само слово «марнана» (свекровь) получило переносное лексическое наполнение: руководящая, стро-

гая, приказывающая, требующая отчета во всех действиях, придирчивая и пр. Поэтому чеченцы, обращаясь к человеку, который ведет себя подобным образом без какого-либо на то основания, говорят: «Хьо сан марнана-м яц?» («Ты что, моя свекровь?»). Или: «Со хьан нуса-м яц?» («Я что, твоя сноха?»). Лексема «нус» (сноха) ассоциируется с зависимостью, подчинением и необходимостью угождать. Язык столь чуток к этим явлениям, что на базе конкретных существительных «марнана» и «нус» образовались суффиксальным способом абстрактные – «марнаналла» и «несалла». К примеру, если некто провинился перед кем-то, совершил преднамеренное или непреднамеренное зло, следствием которого стало, допустим, увечье, то виновный и вся его семья оказываются в ситуации «несалла», то есть обязанными пострадавшему порой на долгие годы. Прошу прощения за лингвокультурологическое отступление, оно помогает объяснить столь живой интерес публики к спектаклю по сценарию узбекского драматурга Саида Ахмата, в котором в легкой форме искрометного юмора транслируется общая «проблема» семей с традиционным «домостроевским» укладом быта, когда свекровь помыкает и детьми, и снохами, вмешивается в дела молодых, лишая их свободы действий и превращая домочадцев в беспрекословных исполнителей собственной воли. Однако на каждого домашнего деспота (соседи называют нашу героиню Генералом или Маршалом) найдется бунтарка вроде шестой невестки, которая переворачивает сознание остальных членов семейства.

Безусловно, литературная составляющая произведения сыграла не последнюю роль в

том, что спектакль состоялся: перевод пьесы на чеченский язык, осуществленный Асет Муртазалиевой, получился очень живым, метким, точным, он насыщен пословицами, поговорками, фразеологизмами, прибаутками, которые в полной мере отражают умение чеченского народа самые непростые психологические коллизии трансформировать в обобщенно метафорическую шутивную форму. Чеченский фольклор очень гармонично наложился на сюжет, поэтому, если бы не узбекский орнамент на платьях девушек, трудно было бы догадаться, что действие происходит не в наших родных реалиях.

Итак, юмор как ментальная черта этнического мировидения, профессиональная режиссура и художественно-музыкальное оформление, отличный литературный перевод, ну и, конечно, актерская игра обеспечили спектаклю успех у зрителя.

Марет Базиева (свекровь Фарман-биби) не удивила, но и не разочаровала, поскольку это именно ее амплуа и каких-то неожиданных актерских перевоплощений ожидать не приходилось, она была органична, скажем так, «в своей стихии», как и всегда в аналогичных комедийных ролях. Хотя кульминационный монолог, когда женщина остается «у разбитого корыта», покинутая детьми, и объясняет мотивы своего поведения, которые на поверку оказались благородными (воспитание в строгости, почитании старших, дружба, единство и благополучие семьи), в отличие от способов воплощения, так вот, в этом фрагменте мы видим уже другую свекровь: страдающую, раскаивающуюся. И, безусловно, заслугой актрисы является наглядная трансформация внутреннего мира героини, которая в финале вызывает сочувствие. Цели,

преследуемые ею, все-таки остаются понятыми и детьми: они возвращаются в отчий дом после недолгого бунта.

Шпионка-сноха Сатти (Ахмутханова Саци-та), преданная свекрови доносчица, сумела вызвать восторг у зрителя: интонации, мимика и пластика способствовали созданию яркого «шаржа» на сцене.

Молодая актриса Фатима Мезиева (невестка Башарат) в очередной раз продемонстрировала свой разносторонний талант: она прекрасно выражает себя как в романтических, драматических, так и в комедийных ролях.

Также понравилась Марха Гайрабекова в роли снохи Лутфи: она создала выразительный образ, а мягкие черты лица актрисы подчеркнули покладистость характера как одно из основных качеств снох в восточном универсе.

Махкан-ревизор (Ризван Халиков) выглядел очень комично, в этом ему, кстати, помимо актерского мастерства, помог костюм и грим.

Неожиданный выход на сцену Раисы Гичаевой в роли второго плана вызвал мгновенную реакцию зрителей, многие из них не только зааплодировали, но и выкрикнули: «Майма!» Вот где зрительское признание и восхищение! Интересно, как сама народная артистка воспринимает такую устойчивую ассоциацию с любимым зрителями персонажем из нетленной комедии А.-Х. Хамидова «Бож-Али»? (Кстати, эту роль когда-то играла одна из первых чеченских актрис, мама Р. Гичаевой – Марьям Исаева).

Нигара (Мажиева Малкан) – та самая невестка, которая взбаламутила весь дом и перевернула устоявшийся уклад жизни. Не-

смотря на то, что девушка демонстрирует на сцене приемы каратэ, ее персонаж показался малоубедительным. Спектакль – это, конечно, условная реальность, но все-таки, если со сцены говорят, что на героине кимоно, на ней должно быть именно кимоно либо она должна сыграть так, чтобы зритель поверил, что на ней действительно оно есть. В данном случае имею в виду не столько ее сценические движения, сколько в целом воплощение образа.

Показался странным и подбор некоторых исполнителей и семейных пар: вот где впору было вспомнить К.С. Станиславского с его знаменитым: «Не верю!» Речь сейчас идет не об игре, а о том, что любое несоответствие мешает достоверности и адекватному восприятию театрального материала. Например, старший сын свекрови выглядит как ее супруг (Мовсар Атаев), то есть возрастной актер для этой роли совершенно не подходит. Его жену почему-то играет одна из самых молодых и привлекательных актрис Фатима Мезиева – как-то странно и необоснованно по сюжету. Сын-врач (Уцемиев Шамхан) вообще не сочетается в паре с Сатти (Ахмутхановой С.), хотя сами по себе они исполняют роли до-

стойно, без каких-либо вопросов. Младший сын Мамур – певец (Тимир-Булат Хасанов), чем возмущена мать, зарабатывает выступлениями на свадьбах. Придя домой с очередной вечеринки, он что-то напевает, но делает это настолько немзыкально, что сей факт не может быть оправдан даже нетрезвым состоянием, ведь Мамур зарабатывает на этом кучу денег (раздает купюры направо-налево снохам, ими напичкан его костюм а-ля-Элвис Пресли, они же свисают с его тубетейки). Как только включили фонограмму для передачи общего куража, контраст стал еще более очевидным. Кстати, само музыкальное оформление спектакля вполне передавало его атмосферу: бодрая музыка, сменявшаяся от сцены к сцене, была необходимым фоном для раскрытия персонажей и идейного замысла спектакля.

Зритель, однако, великодушен и не столь привередлив: радуется возможности посмеяться над типичными картинками из нашей жизни и, кажется, не замечает некоторых промахов, а, может быть, они столь несущественны по сравнению с достоинствами спектакля, что и не стоит делать на них акцент.

В ГОРЫ ЗА ТОБОЙ

Драма Олега Михайлова «В горы за тобой» – уникальный проект Чеченского драматического театра им. Х. Нурадилова, объединяющий людей, независимо от национальности и вероисповедания, вечной темой любви, преодолевающей любые преграды. Идея принадлежит Народной артистке Чеченской Республики Хаве Ахмадовой, она же является

режиссером спектакля.

Открывается действие монологами главных героев: Нины, повествующей историю библейской Руфь, которая стала матерью Царей благодаря стечению ряда обстоятельств, пройдя голод, смерть близких, но осталась чистой, полной веры, за что и получила вознаграждение от Бога.

Юнус читает суру из Корана о предопределении, и само имя его не случайно – это имя пророка (мир ему), выброшенного в море и поглощенного китом, но и в чреве огромной рыбы он не потерял веру во Всевышнего, молился Ему и был спасен.

Встретивши в освобожденном от захватчиков Харькове в 1943 г. прошедшую через голод, тиф, потерю мужа, ужасы оккупации

Нину, сапер Юнус сумел растопить холод в ее сердце, в котором война поселила тоску и нежелание жить дальше. Завораживающая своей нежностью музыка Максима Дунаевского на фоне взрывов и стрельбы щемящей нотой надежды проникновенно сообщила о зарождении глубоких чувств и переплетении судеб.

Символично, что спектакль показан в Грозном 18 февраля – в канун даты, которая, с одной стороны, празднуется всей страной 23 февраля как День защитника Отечества и, с другой стороны, стала «черным» днем в истории чеченского народа, подвергшегося чудовищной акции сталинской тоталитарной системы – депортации. Самоотверженный подвиг советских воинов и безграничная боль народа, сорванного со своей малой родины, раскрылись на фоне сюжетной линии взаимоотношений Юнуса и Нины.

В спектакле много символов, начиная от преданий из Священных книг, которые путеводной нитью ведут главных героев пьесы, до различных деталей и элементов сценического действия, предметов и личностей...

Символ жизни – огонь в очаге – всеми силами стремятся поддерживать герои: Юнус носит Нине дрова; угли захватила его бабушка в день выселения, но они не спасли ее от голода и холода в огромном скотском вагоне; огонь пыталась поддержать мать Юнуса, но и она умерла от холода; «Огонь не должен погаснуть, – это единственное, что осталось от родины... Мне было больно, но огонь я сберегла...» – говорит Закият, младшая сестра Юнуса, в ссылке вместе с другими подрост-

ками она подворовывает уголь на железнодорожной станции, но, по приказу коменданта, по ним открывают огонь на поражение, и девочка погибает.

Символ смерти – чурты (чеченские надмогильные камни), которые один за другим поднимает Закият на арьерсцене, повествуя брату страшную историю выселения и гибели отца, бабушки, племянника Аслана, матери... Последний чурт сестры после раздавшихся выстрелов установит Юнус под звучащую суру из Корана «Ясин», которую читают умершим, чтобы их души обрели покой в ином мире. Но значение этой молитвы и в том, чтобы принести умиротворение и душевное спокойствие живым.

Роль Закият исполняет Мадина Пицужева: ей удается передать удивительную трогательность, легкость и обаяние девичьего образа в сочетании с недетской твердостью характера, закаленного потерями и несчастьями, гордо несущего груз ответственности за сохранение родного очага и памяти о родной земле.

Зловещий символ тоталитарной машины – Сталин: его бюсту отдает воинскую честь черноволосый Юнус в разминированном доме Нины, к его мавзолею устремляется поседевший герой, возвращаясь из выселения, чтобы убедиться лично в гибели тирана.

Амулет с письменами из Корана Юнуса и нательный крестик сапера Егорова – символы веры и защиты.

Символична и мизансцена, где раненый Егоров с разведенными в гипсе руками предстает после прощания с другом, словно распятый Иисус, торжествующий своей жертвенностью над смертью. Сам воин вобрал в себя типичные черты национальной ментальности,

характерные для героев русских народных сказок: простоту, добродушие, душевность, смелость и преданность. Ризван Халиков, заслуженный артист ЧР, сумел передать эти качества, в том числе имитируя приятный и певучий русский говор. Кстати, Егоров напоминает толстовского Платона Каратаева, только в более молодом возрасте, он вполне мог бы быть его прапраправнуком.

С другой стороны, Юнус (народный артист ЧР Сулейман Ахмадов) стал воплощением чеченского национального характера, ассо-

цирующегося с героями фольклорных эпических песен – илли, уверенного, что «мужчина должен быть сильным», и отвечающий, причем без какого-либо пафоса, спокойно и естественно на вопрос любимой: «Трудно ли быть чеченцем?» – «Нет, если ты им родился и если ты свободен». Главный принцип Юнуса: «Сохранить в себе чеченца!», то есть пройти достойно через испытания, посылаемые судьбой. Такая жизненная философия имеет и религиозный подтекст: отправляя внука на войну, бабушка напутствует его: «Помни, Аллах посылает лишь столько испытаний, сколько человек в состоянии вынести». Однако это не трафаретный, а подвижный образ. В сцене прощания с другом перед уходом с фронта и отправкой за родными в степи Казахстана артист очень выразительно сумел показать внешними средствами внутренний конфликт героя-защитника, на которого, как и на весь его

этнос, навесили ярлык предателя. Нарастание этого конфликта, горечь разочарования также наблюдаем в сцене встречи Юнуса с Закией, обвиняющей его в том, что он не смог спасти семью от злодейства и последующей гибели.

Любви безвозмездной, чистой и открытой противопоставлена эгоистичная, жестокая, трусливая и подлая, носителем которой является майор Гурбанский (заслуженный артист ЧР Шамиль Алханов). Несмотря на то, что влюбленный отождествляет Нину с Мадонной Рафаэля, он причиняет ей только страдания, заставляя шантажом выйти замуж. И этот символ тоже формирует общее восприятие Нины, в глазах которой, как и в глазах рафаэлевской Мадонны, застыли горячая любовь и нежность к ушедшему на фронт Юнусу и, вместе с тем, негодование, ужас и смирение перед людскими грехами, нерешительность и готовность совершить подвиг, который в данном случае

заключается в самопожертвовании ради спасения от репрессий сестры.

Символичен даже топос: улица Спартака, 10 в Грозном и в Харькове, сплетающая судьбы Нины и Юнуса в единое целое.

И, наконец, горы, олицетворяющие свободу и духовное возвышение, благородство и защиту, родину и победу добра над злом. Это спектакль о преодолевающей силе человека, вере и любви, которые способны творить чудеса. «Горы всегда защитят, горы – это свобода...» – убежден Юнус, ведь они тысячелетиями спасали его этнос от врага. «А я горы никогда не видела...», «Я уже никогда не смогу стать свободной и полететь...» – говорит Нина, душа которой почти умерла, но ее воскрешает Юнус силой своих чувств.

Звезда театра и кино, заслуженная артистка Российской Федерации Ольга Кабо очень тонко передала различные оттенки переживаний, бушевавших в душе Нины: боль, подавлен-

ность, надлом, неверие в светлые силы в хаосе военного кошмара и искреннюю любовь, способность пожертвовать собой ради спасения заблудшей и сломленной бедами сестры, силу характера хрупкой, казалось бы, женщины. Сценическая пластика артистки, ее тревожный голос захватывали своей проникновенностью и вызывали у зрителя ответную реакцию сочувствия и сопереживания героине, внутренний мир которой отразил психологическую драму войны. Признание на чеченском языке Юнуса, повторенное Ниной, звучит словно гимн вечной любви: «Хьо сан деган езар, сан дахаран йоза».

Надо сказать, что в создании этого сценического произведения участвовали многие талантливые и авторитетные в своей сфере творческие личности, например, режиссером по пластике является хореограф Игорь Оршуляк, работавший над многими современными театральными проектами, а также над

танцевальными программами для нескольких сезонов шоу «Ледниковый период», с его же постановками стали призерами и чемпионами мира и Олимпийских игр фигуристы, тренируемые Александром Жулиным.

Сценография Натали-Кейт Пангилиниан (московского театрального художника, иллюстратора) намеренно скупа и нацелена на формирование зрительного образа войны, опустошающей души людей. Превалируют свинцово-серые тона, на фоне которых ярким пятном светится алый очаг. Подвижный занавес, состоящий из многочисленных легких веревок цвета благородной бронзы, придает динамизм действию, помогая актерам усилить пластичность образов. А графическое изображение серебра горных вершин на черном фоне, завершающее художественное оформление сцены в момент кульминационной встречи героев, своей строгостью и нетривиальной подачей символики помогает создать ощущение вечности и простора.

Режиссура Хавы Ахмадовой всегда нацелена на глубокое погружение в материал, ей и на

сей раз удалось так организовать все элементы спектакля, все пазлы художественной мозаики, что получилось великолепное театральное «панно», притча о силе любви, разрушающей все исторические, социальные и иные преграды: войну, депортацию, принадлежность к разным национальностям и религиям, жестокие перипетии разлучницы-судьбы, само время (герои встречаются в 43-м, но обретают друг друга навсегда лишь в 57-м).

Пьесы сценариста и драматурга Олега Михайлова ставятся по всей России и Европе, спектакль «В горы за тобой» займет достойное место в списке его драматических произведений, ведь вечные темы жизни и смерти, любви и дружбы, нравственного выбора, преодоления, воскрешения, талантливо реализованные в сюжетной канве спектакля благодаря замыслу режиссера-постановщика, мастерству актеров и профессионализму всей команды, не оставят равнодушным зрителя, каких бы взглядов он ни придерживался, если главное для него – человечность.

КУХНЯ НАРОДОВ МИРА

ЧЕРЕМША, ЗАПЕЧЕННАЯ С ЯЙЦОМ ПО-ЧЕЧЕНСКИ

На 4 персоны:

600 г черемши свежей или маринованной,
40 г растительного масла,
4 яйца,
соль – по вкусу.

Черемшу перебрать, промыть, отварить до мягкости, откинуть на дуршлаг. Затем положить на разогретую сковороду с растительным маслом, посолить, залить яйцом и запечь в духовом шкафу. Нарезать порциями и подать в горячем виде.

САЛАТ ИЗ КУКУРУЗЫ С ФАСОЛЬЮ ПО-ЧЕЧЕНСКИ

150 г кукурузы в початках,
40 г фасоли,
10 г растительного масла,
15 г 3-процентного уксуса,
3 г сахара,
3 г соли,
Перец черный молотый и петрушка – по вкусу.
Початки кукурузы отварить целиком до

готовности, охладить и отделить зерна. Фасоль отварить. Готовые зерна кукурузы перемешать с фасолью, заправить маслом, уксусом, сахаром, солью и перцем. При подаче на стол салат украсить зеленью петрушки.

Совет: вместо отварной кукурузы в зимнее время можно использовать консервированную.

СУП «ХАРЧО» ПО-ГРУЗИНСКИ

Ингредиенты:

1 кг говядины на кости,
2,5 л питьевой воды,
4 шт. репчатого лука среднего размера,
120 г риса,

2 стол. ложки томатной пасты,
 2 стол. ложки растительного масла,
 1 стол. ложка муки,
 1 корень петрушки,
 1 лавровый лист,
 50 г очищенных грецких орехов,
 1 ч. ложка хмели-сунели,
 125 мл натурального гранатового сока без сахара,
 4 веточки кинзы,
 4 веточки базилика,
 1 стручок острого перца,
 5 зубчиков чеснока,

Соль и молотый черный перец – по вкусу.

Приготовьте бульон для харчо. Для этого говядину вымойте и разрежьте на 4-5 кусков. Сложите в большую кастрюлю, залейте водой и варите 1,5 часа, периодически снимая пену.

Бульон для харчо процедите через частое сито. Мякоть говядины отделите от кости, нарежьте и сложите в небольшую емкость. Залейте половником бульона и закройте.

Бульон для харчо перелейте в кастрюлю и доведите до кипения. Рис тщательно промойте. Всыпьте в кипящий бульон и посолите. В бульон с рисом положите нарезанную говядину и варите на небольшом огне 10 минут. Добавьте томатную пасту и перемешайте.

Репчатый лук очистите, мелко нарежьте и слегка подрумяньте на растительном масле. Посыпьте мукой и жарьте, помешивая, на среднем огне 5 минут. Снимите с плиты.

Корень петрушки для харчо очистите, ополосните холодной водой и натрите на крупной терке. Добавьте в бульон вместе с обжаренным луком и лавровым листом. Поперчите.

Грецкие орехи измельчите в блендере и всыпьте в суп. Готовьте 5 минут. Добавьте в харчо хмели-сунели и гранатовый сок. Варите на маленьком огне 5 минут. Посолите по вкусу.

Кинзу и базилик для харчо вымойте, обсушите и оборвите с веточек листочки. Измельчите их. Острый перец вымойте и нарежьте тонкими колечками. Чеснок очистите и пропустите через пресс. Соедините с кинзой, базиликом и перцем.

Кастрюлю с харчо снимите с огня. Добавьте смесь чеснока, зелени и острого перца. Кастрюлю закройте и укутайте большим полотенцем. Оставьте на 10 минут, затем разлейте по тарелкам.

САЦИВИ ИЗ РЫБЫ ПО-ГРУЗИНСКИ

На 6 персон:

500 г рыбы,
 1 стакан очищенных грецких орехов,
 0,5 стакана винного уксуса (вместо уксуса можно использовать сок граната или неспелого винограда, соус получится более нежный),
 3 головки репчатого лука,
 несколько зубчиков чеснока,
 1 ч. ложка молотой корицы и гвоздики,
 1 ч. ложка семян кинзы,
 2 шт. лаврового листа,
 8 горошин душистого перца,
 молотый черный перец и соль по вкусу,

острый стручковый перец,
овощной бульон.

Очищенную и нарезанную на куски рыбу (лучше всего брать готовое филе нежирных сортов) залейте подсоленной водой так, чтобы она только покрыла рыбу. Затем положите лавровый лист, 2-3 горошины перца и варите в течение примерно 40 минут. Готовую рыбу выложите в глубокое большое блюдо. Репчатый лук очистите, помойте, мелко нарежьте и спассеруйте в хорошо разогретой сковороде до золотистого цвета.

Грецкие орехи измельчите в ступке или пропустите через мясорубку вместе с чесноком, острым стручковым перцем и солью. К полученной массе добавьте толченые семена кинзы, лавровый лист, горошины душистого перца, уксус, все тщательно перемешайте и разведите бульоном, влейте в небольшую кастрюлю, добавьте мелко нашинкованный и обжаренный репчатый лук и варите в течение 10 минут. Уложенную на блюдо рыбу залейте готовым соусом, охладите и подавайте на стол в качестве закуски.

РАТАТУЙ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

На 4 персоны:

2 луковицы,

2 стол. ложки оливкового масла,

2 стручка красного перца,

2 баклажана,

2 зубчика чеснока,

2 маленьких кабачка,

4 помидоры,

200 мл томатного сока,

30 г базилика,

по одной трети ч. ложки молотого розмарина
и тимьяна,

листочки петрушки,

молотый перец,

соль.

Лук очистите и нарежьте кольцами. Перец вымойте, разрежьте пополам, удалите плодоножку с семенами и нарежьте кубиками. Баклажаны вымойте, обсушите, удалите плодоножки и нарежьте кубиками. Кабачки вымойте, обсушите и нарежьте тонкими кружочками.

В сотейнике разогрейте оливковое масло и, помешивая, обжарьте в нем лук в течение 5 минут.

Затем положите перец и жарьте 5 минут. Добавьте баклажаны и жарьте еще 5 минут. Чеснок очистите и пропустите через пресс.

Измельченный чеснок и кабачки положите к овощам, перемешайте и жарьте 5 минут.

Помидоры вымойте и положите в кипяток на 3 минуты. Затем снимите с них кожицу и нарежьте мякоть небольшими дольками.

Базилик переберите, промойте, обсушите и мелко нарежьте.

К жареным овощам добавьте помидоры, томатный сок, базилик, положите специи. Доведите до кипения, накройте крышкой и тушите 10-12 минут.

Готовое блюдо можно подавать горячим или холодным, украсив листочками петрушки.

Совет: рататуй – отличная закуска, легкое горячее или гарнир. Он великолепно сочетается со свежим хлебом, рисом, жареной бараниной.

ЖУЛЬЕН С ГРИБАМИ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

На 6 персон:

200 мл сливок,

1 стол. ложка муки,

1 стол. ложка сливочного масла,

250 г грибов,

1 луковица,

4-5 вареных яиц,

2 зубчика чеснока,

30 г тертого сыра,

зелень для украшения,

соль и перец по вкусу,

1 стакан воды,

немного растительного масла.

Грибы тщательно переберите, промойте, залейте стаканом холодной воды и доведите до кипения. Уменьшите огонь и варите примерно в течение 3 минут, затем откиньте на дуршлаг и еще раз промойте под проточной водой. Грибной отвар сохраните. Выложите грибы на бумажные салфетки, чтобы стекла вода. Затем нарежьте небольшими кусочками.

Лук и чеснок очистите, мелко нашинкуйте. Разогрейте в сотейнике растительное масло, обжарьте в нем лук и чеснок 2 минуты. Добавьте грибы, яйца, влейте 2 стол. ложки грибного отвара. Тушите на среднем огне без крышки 3 минуты.

Приготовьте сливочный соус (смешайте сливки и муку), добавьте к грибам. Снимите с огня. Посолите, поперчите, разложите по формочкам (изнутри смажьте сливочным маслом), сверху присыпьте тертым сыром.

Духовку разогрейте до 200 градусов. Поставьте формочки на противень, заполненный водой так, чтобы вода доходила до середины их высоты. Запекайте 4 минуты.

Совет: при приготовлении жульена вы можете использовать любые грибы, также можно сделать его с креветками и курицей.

Рубрику подготовила Р. Берсанова

